

**Юлия
Волкодав**

Дворец кул.
«Ленинский»

Начало
в 19-00

Народный артист России

Всеволод

ФАНАТЫ

Счастья хватит на всех

Юлия Волкодав

Фанаты. Счастья хватит на всех

«Издательские решения»

Волкодав Ю.

Фанаты. Счастья хватит на всех / Ю. Волкодав —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838088-4

Три девушки, три истории, три судьбы. И один мужчина, старше на целую жизнь. Как выглядит сияющий огнями эстрадный мир на самом деле, и каким видят его те, кто всегда в тени своих кумиров? Могут ли самые сумасшедшие и невозможные желания сбыться? И какую цену придётся заплатить за исполнение мечты?

ISBN 978-5-44-838088-4

© Волкодав Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Сашка	7
Глава 2. Нурай	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фанаты

Счастья хватит на всех

Юлия Александровна Волкодав

*Все герои и события являются плодом воображения автора,
все совпадения случайны.*

Дизайнер обложки Татьяна Никольская

© Юлия Александровна Волкодав, 2017

© Татьяна Никольская, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8088-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...А знаете, что самое интересное? Что у каждой мечты сбылись. У каждой! Пора- зительно, правда? Хотя шансов не было никаких. Ну посудите сами, три девушки, раз- бросанные по городам бывшего Союза. Один мужчина. Даже будь он нашим ровесником, повезло бы в лучшем случае одной. А он старше на сорок лет. На целую жизнь. Кем мы были тогда? Да никем. Амбициозные провинциалки, влюблённые дурочки. И он, кумир поколения. Другого поколения, совсем не нашего. Глупо, правда?

И всё сбылось, все желания. Как в сказке. Счастливые, говорите? Ну да, ну да. Сча- стья хватило на всех, по горло. А вы с какой целью интересуетесь? Фильм хотите снять? О нём? О нас?! А о нас-то зачем? Да нет, я расскажу, мне не жалко. Вы только не пере- врите потом. Знаю я вашего брата, журналиста, вам только сенсации подавай, «клуб- ничку». Факты перевернёте, отсебятины добавите, опошлите всё. Деньги приплетёте, квартиры, машины. А мы его любили, понимаете? По-настоящему. Только каждая – своего.

Я иногда думаю, а ведь сколько таких до нас было? Сотни! Его ровесницы, застав- ившие появление Туманова на сцене. Брала у него первые автографы, дарили первые букеты. Целовались с мальчиками на танцах под его пластинки. Или бобины? Тогда уже, наверное, были бобины. Я точно не знаю. Неважно. Они ездили за ним на концерты, они выросли вместе с ним. Они видели, как ему вручали Заслуженного. Потом Народного. Они с ним ста- рели. Сотни поклонниц превращались в десятки. Глупо бегать за артистом, когда у тебя уже внуки подрастают. Мы их иногда ещё встречали на московских концертах. Знаете, как страшно, когда тебе двадцать, а вокруг тебя только бабушки? Красиво одетые, пах- нущие «Красной Москвой», с высокими причёсками, но – бабушки? Ты оглядываешься на зал и понимаешь, что просто потерялась во времени. Случайно вошла не в ту дверь, а выйти уже не можешь. Ни у одной из нас не получилось выйти.

А у них, этих бабушек, получалось. Туманов оставался для них приветом из прошед- шей молодости, просто любимым певцом, диск которого внука, если хорошо попросить, поставит тебе в непонятный, сверкающий десятком кнопок магнитофон, чтобы не скучно было на кухне с пирожками возиться. Вот не поверите, из их поколения я не встретила ни одной сумасшедшей. Даже просто со странностями. На редкость адекватные люди. И кто-то из них ведь тоже мечтал, наверное. Но не сбылось. Прожили обычную, нормаль- ную жизнь.

Было ещё среднее поколение. Постарше нас, помоложе Туманова. Вот там – сплош- ные диагнозы. Что вы усмехаетесь, я в институте судебную психиатрию изучала, так что

вполне серьёзно говорю. Костяк фан-клуба, самые рьяные, самые преданные. За его светлое имя любого порвать готовы. Все песни наизусть, на все гастроли за ним, на последние деньги. Нас ненавидели, конечно. За молодость, за наглость, за то, что не считали их авторитетами. Смешно. Какая может быть иерархия в стайке влюблённых женщин? Я люблю его дольше, поэтому меня надо уважать? Бред!

О, я смотрю, вы и кофе заказали? Хорошая идея. Я без сахара пью, но сливок чтобы не меньше половины чашки. Его рецепт. Глупо, да? У нас много «его» привычек, въелись за столько лет. Сашка, например, курит, как он, держит сигарету большим и указательным пальцами, не по-женски. Ну давайте, хоть это и не бокалы, а поднимем. За Всеволода Алексеевича Туманова! Не к ночи будет помянут.

Глава 1. Сашка

«Мытищи, Мытищи, любимый город мой...», – бодро запел в наушниках мягкий, обволакивающий баритон. Сашка поморщилась, но перематывать кассету не стала – плеер, старенький, ежеминутно норовящий зажевать плёнку, висел на поясе, под свитером и пальто. Целое дело доставать. Ладно уж, пусть поёт про Мытищи. И какой чёрт её дёрнул записать на кассету такую патристическую муть? У него вон про каждый город нашей страны есть по песне, можно географию изучать. И каждый город «любимый, прекрасный, трудовой». Ну пожил бы сам в Мытищах! Поездил на своём Мерседесе по в хлам раздолбанным дорогам, а ещё лучше, пешочком бы походил. В сапогах резиновых, потому что после дождя лужи полметра глубиной. А между ними непролазная грязь вместо асфальта. И не хочешь, а начнёшь в школу сменку таскать, как первоклашка какая-нибудь.

Сашка проводила мрачным взглядом проехавшую мимо машину, убедилась, что других поблизости нет, перешла дорогу. До дома оставалось совсем чуть-чуть. На полторы песни, примерно. Без плеера она на улицу не выходила. Голос Туманова скрашивал путь в школу и из школы, перемены и даже уроки обществознания, которые вела подслеповатая учительница, не особо обращающая внимание, чем занимаются старшеклассники на последней парте. Слава богу, обществознание не попало в число обязательных предметов ЕГЭ, нового испытания, ниспосланного родным министерством на ни в чём не повинных выпускников в середине года, без объявления войны. А вот русоведам и математикам не повезло, ой, не повезло. Про детей и говорить нечего. Спасибо, хоть пообещали один балл прибавить к любому результату, а то половина их класса точно закончила бы школу со справкой.

Обществознание Сашку не интересовало. Вот биология и химия – полезные предметы, их в институт сдают. А общество кому нужно изучать? Оно и так вон вокруг тебя. К сожалению.

Она с шестого класса знала, что будет врачом. Хирургом-травматологом! С того самого момента знала, когда Всеволод Алексеевич попал в аварию. На гастролях в Самаре машина, в которой он ехал, влетела в столб на скользкой дороге. Водитель сильно пострадал, а Туманов, сидевший сзади, получил травму колена. Все газеты захлёбывались подробностями. Сашка в состоянии, близком к истерике, каждый день бежала к киоску Роспечати и скупала все издания подряд. В школу потом приходилось идти пешком, на автобус денег уже не оставалось. И на школьный обед тоже. Ерунда, главное, писали, что он поправляется. В Самаре обнаружился какой-то чудо-врач, собравший раздробленный сустав по кусочкам, даже в Москву отправлять артиста не пришлось. Туманов после выздоровления концерт в больнице дал, и песню этому врачу посвятил. Прихрамывал, правда, ещё полгода, и у Сашки сердце кровью обливалось, когда видела, как он на сцену выходит. Вот тогда она твёрдо решила стать врачом-травматологом. Старые травмы – они ведь в старости боком выходят, так мама говорила, когда сама Сашка, лет в пять, руку сломала. Вот наступит у Туманова старость, начнёт снова нога болеть, а Сашка тут как тут. Ещё бы, лучший врач Москвы и области, светило травматологии! Вылечит в момент!

В общем, дело оставалось за малым – стать лучшим врачом. А там Всеволод Алексеевич, можно считать, попался. И Сашка зубрила биологию, хотя в шестом классе они учили совсем даже не анатомию, а какую-то дурацкую ботанику. Тычинки, пестики, строение паслёновых. Вот причём тут паслёновые и здоровье Всеволода Алексеевича? Но раз надо, чтобы стать врачом, значит, надо. В восьмом классе химия добавилась, и Сашка с первого дня попала в любимицы химички. Шутка ли, она наизусть таблицу Менделеева знала, всё лето на неё потратила.

К тому моменту Сашка уже всерьёз занялась самообразованием – на сэкономленные карманные деньги купила «Справочник медицинской сестры». Справочник врача почему-то не продавали, так что решила начинать с малого. Очень интересная книга оказалась, столько полезного! И как капельницу ставить, и как постельное бельё менять, и как кормить больного правильно. Сашка зачитывалась справочником, как её сверстницы любовными романами. Только вместо прекрасного принца в её мечтах был Туманов. Приболевший, разумеется, иначе кому она будет ставить капельницы и менять бельё? Она листала страницы и видела его благодарный взгляд, обращённый только на неё.

Со справочником её и застал дядя Вася, мамин брат. Тоже доктор, хоть и не совсем настоящий. Патологоанатом. Он зашёл к ним «по-родственному», то есть в очередной раз занимать денег на бутылку. И увидел Сашку с книгой. Посмотрел на обложку, присвистнул.

– Зачем тебе это?

– Врачом хочу стать! Травматологом! – простодушно сообщила она.

– Кем? – поразился дядя Вася. – Детка, ты с ума сошла? Травматолог – тяжёлая, мужская специальность. Для неё сила нужна, понимаешь? А ты лучше терапевтом стань! Или, вот, педиатром! Такая профессия для девочки больше подходит!

И ушёл, получив от матери заветную сотню. А Сашка ещё долго возмущённо пыхтела. Педиатром! Деток лечить! Ничего дядя Вася не понимает! Профессия для девочек!

Сашка люто ненавидела всё, что полагалось делать девочкам. Носить юбки и длинные ногти, например, красить ресницы и обсуждать мальчиков. Она даже в детстве в куклы не играла. Вместе с пацанами бегала по двору с пластмассовым пистолетом, стреляющим шариками, потом увлеклась баскетболом, в секцию ходила. Мама ругалась, она мечтала о красавице с бантиками и пухлыми щёчками, а получился оборванец с тощими коленками, к тому же вечно ободранными. Так что после того заявления дяди Васи Сашка ещё твёрже решила – будет травматологом.

ЕГЭ Сашку совсем не пугал, сдаст как-нибудь. Тем более, балл накинута. А профильные предметы она знала на отлично. До окончания школы оставалось полгода, серых, унылых, скучных. А потом начнётся настоящая жизнь. Москва! Она будет учиться в Москве, ездить на занятия в город Всеволода Алексеевича. А если повезёт, ещё и получит там общежитие. Хоть каждый день ходи на концерты! Ладно, будем реалистами, каждый день он концерты не даёт. Но можно же, чисто случайно, встретить его в городе. Особенно если крутиться поблизости от гостиницы, где он снимает офис. Да мало ли возможностей, в Москве-то!

Отношения с Москвой у Сашки были сложные. Казалось бы, вот она, рукой подать. Какие-то несчастные девятнадцать километров, полчаса на маршрутке. Но билет на маршрутку стоил больше, чем мама выдавала карманных денег на неделю. А ещё нужно обратно приехать. И в самой Москве что без денег делать? Мама часто повторяла: «Москва – город для богатых». И ещё: «Если все в Москву переедут, кто в Мытищах останется?». Это она про Сашкины мечты перебраться в мегаполис. Мама не любила Москву – большая деревня и цены бешеные. Не по нашему рту пирожок. Мытищи были деревней маленькой, привычной и понятной. Поликлиника рядом с домом, пять минут – и ты на работе. Быстренько прошлась с тряпкой по первому этажу, заглянула в кабинет главврача, там пару раз шваброй махнула, мусор вынесла, подоконники протёрла, и всё, можно назад, домой. После обеда снова в поликлинику, по той же схеме. Хорошая работа: и деньги платят исправно, и хозяйством успеваешь заниматься, муж с дочерью не заброшены. И кому та Москва нужна? Что там делать?

Жить, мама. На освещённой огнями, даже ночью, Тверской, откуда легко добраться до любого концертного зала. И не носить резиновых сапог. Не оглядываться по сторонам, заходя в подъезд, опасаясь вечно обретавшихся там наркоманов. И никогда больше

не видеть опостылевшей Ярославки с её серыми, безликими блочными домами и заброшенными полями сельхозинститута, на которых новые блочные дома ещё не выросли.

Сашка медленно поднималась по бетонным ступенькам, которые безымянный советский отделочник украсил жалким, нарисованным подобием ковровой дорожки – зелёная середина, красные края. Убогая попытка создать уют в заплёванном подъезде. На пролёте третьего этажа оставленная для бродячих кошек пластиковая банка с водой. На щитке четвёртого этажа отчаянная надпись: «Не кормите кошек! Они гадят в подъезде!». Гадили кошки исключительно возле той двери, за которой жил автор послания. Сашкина мама кошек не прикармливала, но и не пинала, так что их дверь обходили стороной. Лифт, разумеется, не работал. Пятый этаж, шестой. Прибыли.

Она открыла своим ключом, вошла в полутёмную прихожую, швырнула рюкзак на старенькое трюмо, как всегда забыла переставить сапоги на коврик, так и оставила их валяться на давно вздувшемся неаккуратными пузырями линолеуме. Мама уже несколько лет мечтает сделать ремонт в прихожей. Переклеить обои, выкинуть трюмо, поставить вместо него закрытую обувницу, а линолеум заменить на модный ламинат. Но мечты оставались мечтами – без помощи отца ей ремонт не осилить, а папа всегда или в рейсе, или «устал». И, кажется, ему абсолютно всё равно, в какую прихожую вваливаться полуживым от многочасового верчения баранки, если из рейса, или просто пьяным, если работы нет.

Сашка привычно заглянула на кухню, мать в это время всегда занималась обедом.

– Мам, я дома!

Но на кухне никого не обнаружилось. Пожав плечами, прошла дальше по коридору, в свою комнату. Тут ей несказанно повезло – мало кто из её одноклассников мог похвастаться отдельными квадратами. Чаще всего комнату приходилось делить или с братьями-сёстрами, или с бабушками-дедушками. У Сашки не было ни тех, ни других.

Дверь в её комнату оказалась открытой. С чего бы? Мама старалась лишний раз туда не заходить, чтобы не расстраиваться. Сашка перешагнула порог и застыла в изумлении. Даже наушники сняла. Посреди её комнаты стоял поп. Самый натуральный, с бородой, в рясе. Молоденький, правда, но поп. С кадилом в одной руке и кисточкой в другой. Кадилом он равномерно помахивал в такт молитве, а кисточкой то и дело брызгал на стены. На её бесценные стены! Водой!

В Сашкиной комнате обоев давно не было – они сгнули, исчезли под портретами Туманова, занявшими каждый сантиметр свободного пространства. Сначала Сашка клеила на стены только афиши, где он особенно красивый, специально сфотографированный, в костюме и гриме, с белозубой улыбкой, подретушированный, моложе себя настоящего лет на двадцать. Но афиш было мало, а унылых стен с обоями в выцветший ромбик – много. Тогда в ход пошли газетные вырезки, те, что с фотографиями. Когда закончились и они, Сашка стала распечатывать снимки из Интернета. Интернет был только в школьной библиотеке, и десять проведённых там минут оставляли её ещё на неделю без посещения столовой. Но десяти минут вполне достаточно, чтобы откопать пару-тройку новых изображений Всеволода Алексеевича. Скинуть на дискету. А дома уже напечатать на струйном, чёрно-белом принтере, который она приспособилась заправлять самыми обычными, для перьевых ручек, дешёвыми чернилами. Чернила текли и пачкали руки, но, если повесить такой портрет повыше, чтобы не тереться об него спиной, получалось очень даже ничего.

И вот теперь на её афиши, на вырезки и на распечатки брызгали воду! Афишный Туманов переживал испытание святой водой стойко, газетный морщился, а распечатанный тёк чернильными слезами.

– Что вы делаете? – отчеканила Сашка, находя взглядом притулившуюся на подоконнике мать.

– Комнату освящаем.

У матери голос всегда тихий, усталый, как будто выцветший. Сашке иногда казалось, у неё просто не хватает энергии, чтобы чему-то радоваться или удивляться, о чём-то мечтать. Только ругаться энергия находилась.

– Зачем?

– Силу нечистую выгоняем, – мать встретила с ней глазами, посмотрела с вызовом. – Может, хоть Бог тебя вразумит? Сколько я просила, снимай со стен чёрта своего старого!

– Вон из моей комнаты, – процедила Сашка, обращаясь и к матери, и попу одновременно.

– А ты не командуй! Сначала на свою квартиру заработай! – ощерилась мать.

Её любимая присказка! Её квартира, её правила. Знала бы она, как Сашка мечтала отсюда уехать и никогда, никогда больше не возвращаться.

– Да я, в общем-то, закончил, – молодому священнику было явно неудобно наблюдать семейную сцену. – Пойду. А дочку вы не ругайте, не ругайте. Ну что вы, в самом деле? Туманов – хороший артист, положительный. Лучше было бы, если б она какими-нибудь рокерами увлекалась или, прости Господи, панками? В штаны свои дырявые влезут, головы обреют и орут чего-то со сцены. А потом пью да блудом занимаются.

Поп ещё что-то говорил матери в коридоре, но Сашка уже не слушала. Захлопнула дверь, подперла ручку стулом, медленно пошла вдоль стен, обозревая ущерб. Все напечатанные портреты нужно менять. Она стала осторожно отклеивать один, особенно пострадавший, он потянул за собой остальные, бумага рвалась, руки дрожали – от обиды. Старый чёрт, говорите? Ну, немолодой. Пятьдесят шесть, чуть больше, чем Сашкиному отцу. Отца мама старым почему-то не считает.

Вот никогда она не могла понять, почему все цепляются к его возрасту. Одноклассники, если хотят посмеяться, всегда тычут именно в это. Всем нравятся пацаны из Backstreet Boys и слащавый красавчик Лео из «Титаника», и они – нормальные. А Сашка чокнутая, потому что её идеал не носит рваные штаны и не трясёт их содержимым перед публикой. Про Лео лучше вообще не думать – Сашку тошнило от массового помешательства на голливудском мальчике. Нет, он, может, и симпатичный, и играет неплохо. Но когда после летних каникул все девчонки из их класса пришли по уши в него влюблённые, с его изображением на футболках, тетрадях, дневниках и даже ластиках, Сашка твёрдо решила не смотреть нашумевший фильм. Из принципа. Никогда ей не нравилось ходить стадом, а уж стадом любить – просто противно.

Впрочем, те проблемы остались в далёком прошлом, в классе шестом или седьмом. К одиннадцатому девчонки позабыли кумиров, переключившись на вполне реальных мальчиков, а с Сашкиными странностями просто смирились. Мало ли, в любом классе есть свои сумасшедшие. Да и Сашка научилась помалкивать, окончательно переселившись на последнюю парту и перестав на переменах снимать наушники.

– Открой немедленно! – мама стучала в дверь и дёргала за ручку. – Не смей запирается! Открой, нам нужно поговорить!

– Не нужно!

Сашка сосредоточенно снимала второй испорченный портрет.

– Саша, я хотела, как лучше! Доченька, пойми, ну нельзя так жить! Тебя же ничего вокруг не интересует! Тебе семнадцать лет, самый замечательный возраст! Давно пора с мальчиками встречаться!

О, началось! Мамина фирменная песня про мальчиков. Сейчас ещё добавит про старую деву, которой обязательно останется Сашка, если и дальше будет слушать Туманова. Смотреть на Туманова. Думать о Туманове. Можно подумать, одно другому мешает.

– Выйди поешь хотя бы! – в сердцах бросила мама и замолчала.

Вероятно, ей надоело стоять под дверью или пришло время возвращаться на работу.

Сашка выбралась из комнаты уже под вечер, когда окончательно успокоилась и изрядно проголодалась. Прощмыгнула на кухню, накидала на тарелку холодных котлет, отломил кусок батона. На столе, рядом с заботливо укутанной в полотенце миской с котлетами стояла наполовину опустошённая бутылка водки. Из родительской спальни доносился раскатистый храп. Отец вернулся из рейса.

Мама вышла замуж в восемнадцать, а в восемнадцать с половиной родила Сашку. Так что у неё были все основания считать дочь старой девой. Уж она-то в её возрасте только успевала ухажёров отгонять. Умница Ниночка, отличница, староста. Чёрные волосы до пояса и синие глаза – однокашники в училище с ума по ней сходили. Но как только Коленька появился, она всех в отставку отправила. Вот ещё, с мелюзгой связываться, когда такой красавец на неё внимание обратил. Коленька работал на грузовой машине в колхозе, куда отправили студентов на борьбу с неожиданно обильным урожаем. Там, в колхозе, в палатке, трепыхающейся на ветру, всё и случилось. Чем думал тридцатипятилетний, недавно переживший развод Николай, обнимая пропахшими машинным маслом лапами синеглазую старосту? Но закончилось всё благополучно, свадьбой с песнями под гитару, чудом добытой в год безалкогольной кампании водкой и тазиком виногрета. С «Оливье» не вышло – дефицитный зелёный горошек достать не удалось. Училище, правда, пришлось бросить после рождения Сашки, сидеть с ребёнком оказалось некому. Да не очень-то и хотелось Ниночке становиться мастером верхней одежды, тем более, что страна разваливалась на глазах, открывались границы и заманчивые перспективы. Чего её, верхнюю одежду, шить, когда можно из Турции возить такие шмотки, что ни одной мытищинской швее-мотористке и не снилось? Колхоз, где работал Коленька, тоже развалился, и новоиспечённый отец возился с ребёнком, пока Ниночка моталась между Мытищами и Стамбулом с клетчатыми сумками и стояла на рынке, предлагая дублёнки и пальто менее предприимчивым согражданам. Бизнес был удачный, настолько, что через пару лет перебрались из съёмной комнатки в собственную квартиру в престижной Ярославке. А потом всё перевернулось – на рынок пришли новые хозяева, с которыми Ниночке договориться не удалось. Хорошо ещё, жива осталась, иных вон «бизнес-леди» и грабили в тёмных подворотнях, а с кем и похуже что случалось. Ниночка просто ушла. В то время Сашка уже ходила в школу, а Коля устроился в недавно открывшуюся фирму грузоперевозок дальнобойщиком. Ниночка, за время предпринимательства привыкшая к свободному графику, долго искала себе подходящее занятие, а потом вдруг увидела объявление, что в поликлинику возе дома требуется уборщица, и пошла тряпкой махать. Деньги невеликие, зато стаж идёт. Жизнь без солнечной Турции и шальных заработков стала не такой весёлой, зато размеренной и предсказуемой.

Вот только отношения с дочерью не складывались. Смотрела иногда Ниночка на Сашку и удивлялась, неужели её ребёнок? Волосы вроде её, только стриженные коротко, Сашка ненавидела косы и бантики. И нос её, и даже широковатые бёдра. А характер совершенно другой, иной раз кажется, что в роддоме младенца подменили. Ну не могла у весёлой, а где-то и откровенно легкомысленной Ниночки родиться такая, с детских лет серьёзная, рассудительная, а порой и занудная дочь. Ниночка в её возрасте по танцам бегала, а эта запрётся в своей комнате и сидит, во двор её погулять не выгонишь. Вечно с плеером, вся жизнь под голос Туманова проходит. Вот ещё тоже! Нашла себе кумира! Да даже в Ниночкиной молодости он считался немодным. Тогда всякие ВИА слушали, а ещё лучше – какую-нибудь «Вассара». Но уж точно не этого комсомольского переростка с правильным лицом и такими же правильными песнями. Теперь-то он спохватился, про любовь запел. В своём предпенсионном возрасте. И Сашка млеет – только наушники наденет, сразу лицо другое становится, спокойное, расслабленное. А как она смотрит на него? На портреты эти дурацкие, которыми вся комната обклеена, ну чисто иконостас в церкви! Заходить же страшно,

куда ни глянь – везде Туманов. И ладно бы только стены! Туманов у неё и на кружке, и во всех рамках для фотографий. Иногда один, а иной раз и с женой, что совсем уже не понятно. Окончательно Ниночку довёл браслет, который дочь сплела себе на каникулах. Это же додуматься надо, выплести бисером имя «Всеволод» и носить на руке! Всеволод! Да он ей в лучшем случае Всеволод Алексеевич! И героем девичьих грёз он если и был, то лет так тридцать назад. Ну и какой мальчик будет встречаться с ней после этого?

Но мама переживала зря, статус старой девы Сашке давно не грозил. Года два уже как. И полные мёда взгляды Всеволода Алексеевича со сцены в зал она воспринимала исключительно абстрактно, и его песни о вечной и неземной любви никогда не относила на свой счёт. Мечта? Да, мечта. Но потому она мечтой и зовётся, что должна оставаться недостижимой. Может быть, когда-нибудь. И то, тьфу-тьфу-тьфу. Даже не думать. Всеволод Алексеевич, на «вы» и шёпотом. К тому же, у него есть супруга, красавица Зарина. Сашка даже не знала, кто из семейной пары Тумановых ей нравится больше. Зарина Тимуровна на публике появлялась редко, всегда держалась в тени знаменитого мужа. Но если уж выходила в свет, но неизменно поражала Сашкино воображение: и достоинством, с которым держалась, и обаянием, и нарядами, тщательно подобранными в тон костюму мужа. Идеальная пара, идеальные отношения, настоящая любовь. Он о ней во всех интервью с таким уважением рассказывает: жена, муза, хранительница очага. Ну и о чём тут можно мечтать? Только смотреть, восхищаться и надеяться, что у тебя когда-нибудь будет хоть что-то подобное.

Словом, для себя Сашка искала вполне земное счастье. Но оно, почему-то, не находилось.

Первой попыткой стал Сергей, долговязый, сутулый, зато – без пяти минут врач. Он был на два года старше, готовился поступать в мединститут, и во дворе носил кличку «Серый-Белый-Голубой». Серый – потому что Сергей, Белый – потому что собирался стать врачом и носить белый халат. А вот почему «Голубой» Сашка поняла слишком поздно. Они встречались полгода, во дворе. Сашка всё ждала, когда Сергей пригласит её хотя бы в кафе. Но в итоге Сергей пригласил её к себе домой, посмотреть новый фильм со Стивеном Сигалом. В общих чертах Сашка уже понимала, что означает это приглашение, но согласилась.

Мама говорила, что первый раз должен произойти в романтической обстановке и неоднократно намекала дочери, что она вполне может пригласить гипотетического парня домой. Но когда парень из гипотетического превратился в реального, Сашка советами мамы пренебрегла. Меньше всего ей хотелось заниматься этим под внимательным взглядом Всеволода Алексеевича, умноженным на число портретов. Так, не дай бог, воображение разыграется, и лицо Сергея, худое, с длинным носом и тонкими губами, может невзначай превратиться в круглое, с мягкими чертами, чуть выпирающим подбородком, ямочками на щеках и морщинками в уголках глаз от частых улыбок. Чур-чур-чур!

Фильм они действительно посмотрели, до середины. А когда отважный Сигал уже почти освободил захваченный террористами корабль, Сергей ближе придвинулся к ней на диване, потянулся к пуговицам на её рубашке. Руки холодные, подумала Сашка. У Всеволода Алексеевича тёплые и мягкие. Она однажды решилась, поднялась на сцену с цветами. Он взял букет и пожал ей руку. Видимо счёл её слишком маленькой для того, чтобы руку поцеловать. Но ощущения она запомнила надолго. Стоп. Не думать! Не сравнивать! Не вспоминать! Побывать хоть немного нормальной, как все! Девчонки говорили, это классно. Стоит однажды попробовать, хочется ещё и ещё. Аделька рассказывала, что после первого раза целую неделю только этим и занималась. Аделька надёжный человек, врать не станет.

Сашка покорно ждала, пока Сергей снимет с неё рубашку, пока расстегнёт собственные джинсы. Не чувствовала ничего, только лёгкий холод – по комнате гулял сквозняк. Сергей возился, пыхтел, потом вдруг отвернулся от неё, сел, уставившись в телевизор, где Сигал добивал последних преступников.

– Прости, Шурик, кажется, ничего не получится.

Он упорно звал её Шуриком, хотя Сашка ни разу не дала понять, что ей это нравится. Она молчала не зная, что сказать. Что вообще говорят в таких случаях? Не расстраивайся, не очень-то и хотелось? В другой раз получится?

– Похоже, эксперимент провалился, – продолжил Сергей и натянул джинсы.

– Эксперимент?

– Ну прости! Ты хороший друг. Но ты – девочка, понимаешь? Классная, настоящая пацанка. Я думал, хоть с тобой получится. Ошибся.

Наверное, надо было дать ему по морде, экспериментатору. Но Сашка просто растерялась. Пожала плечами и ушла. Больше не общались, конечно.

Со вторым, рыженьким Лёшкой, познакомилась в баскетбольной секции. Лёшка тоже не звал в кафе, и Сашка начала подозревать, что её представления об ухаживаниях, почерпнутые, разумеется, из биографии Туманова, сильно расходятся с реальностью. Всеволод Алексеевич миллион раз рассказывал в интервью, как водил Зарину в ресторан Дома литераторов, как они катались на коньках в Сокольниках, как гуляли по зимней, засыпанной снегом Москве. На поездки в Москву, в Сокольники, Сашка не рассчитывала, но хоть в Макдак-то можно было сходить? Зато с Лёшкой всё получилось. Быстро, скомкано, ни разу не приятно, но по-настоящему. Сашка осталась разочарованна. И вокруг этой, простите, потной возни столько страстей? Весь класс шушукается, кто, с кем, сколько. А в чём удовольствие? Пакость какая-то. Но раз уж начала, надо продолжать, тем более, что появление у Сашки парня сразу стало школьной сенсацией. Лёшка встречал её после занятий, вместе шли на баскетбол, потом к нему. А иногда, если мать уходила на вторую смену, и к ней домой. Лёшку портреты Всеволода Алексеевича не смущали, он, кажется, вообще не знал, кто это. И не спрашивал. Сашка тоже старалась не замечать укоризненных взглядов со стен. Зато она нормальная. Не хуже других, парень вот есть.

А потом Лёшка перестал ходить на секцию.

– Бросил, – небрежно заявил он. – Надоело.

То есть как – надоело? Сашка баскетболом занималась серьёзно. Без фанатизма, всё-таки в её планы не входил профессиональный спорт, но ходила регулярно, тренировалась честно, за сборную школы играла. Полезно, правильно, да и просто нравилось. Всеволод Алексеевич в юности футболом занимался, но девочек в футбол не брали.

Ещё через неделю Сашка стала замечать, что от её кавалера всё чаще пахнет перегаром. Потом у отца вдруг исчезла початая бутылка водки из кухни. Подозрение пало на Сашку, разгорелся скандал, особенно громкий в силу того, что отец был с похмелья и срочно хотел принять. Сашка напрасно взывала к разуму родителя, напоминая, что никогда в жизни не пиивалась. Вот уж что её совершенно не интересовало! И в кои-то веки пример Туманова был тут не при чём. Пьяный отец служил лучшей наглядной агитацией трезвости.

Уже сидя у себя в комнате, как никогда громко врубив в наушниках любимый сборник и намертво отгородившись от реальности, Сашка вспомнила, что после очередного «рандеву», пока она мылась в душе (всегда бежала туда, едва Лёшка застёгивал штаны, и намывалась так тщательно, словно хотела содрать кожу), её кавалер подчищал неизменные маминны котлеты на кухне. Сашка сама его туда отправила, пусть ест, жалко, что ли.

С тех пор на кухню его одного не отпускала, но Лёшка и без отцовых заначек находил, где выпить. Теперь он уже всегда был поддатым, и Сашка стала избегать встреч. С трезвым-то не особо приятно, а с пьяным и просто мерзко. Терпению пришёл конец, когда Лёшка попросил одолжить денег.

– Пивасика хочется, – честно признался он, встретив её после школы. – С утра тыква трещит.

Сашка посмотрела на его затасканную адидаску, на вечно приспущенные, пузырящиеся на коленках спортивные штаны, пыльные кеды, встретила взглядом с красноватыми с бодуна глазами.

– Да к чёрту вашу нормальность, – пробормотала она.

– Чего? – не понял Лёшка.

– Пошёл отсюда, говорю.

На этом поиски счастья были завершены на неопределённый срок.

Вопрос «нормальности» для Сашки остро стоял всегда, сколько она себя помнила. Уже в первом классе она начала понимать, что с ней что-то не так, чувствовать пропасть между собой и одноклассниками. Началось всё, смешно сказать, с «Черепашек Ниндзя». И дело даже не в том, что мультик про черепах-мутантов смотрели только мальчики и Сашка, а девочки предпочитали «Русалочку». Хуже было то, что мальчишки выбрали себе по герою. Кто-то в играх на переменках всегда изображал Донателло и махал воображаемой палкой, кто-то мнил себя Микеланджело и поедая такую же воображаемую пиццу, кто-то непременно хотел быть Леонардо или Рафаэлем. А Сашка традиционно отыгрывала Сплинтера, старую крысу – учителя черепах, персонажа, которым никто и никогда быть не хотел. Он толком не сражался, всё больше поучал своих подопечных, и явно не тянул на героя. Но семилетняя Сашка любила именно его: мудрого, спокойного, надёжного. Впрочем, всех такое положение вещей устраивало – Сплинтера кто-то должен был играть, и Сашкины странности оставались незамеченными.

Но скоро на смену мультяшным героям пришли новые кумиры. Мальчики ещё гоняли по партам машинки-трансформеры и стреляли друг в друга из водяных пистолетов, но Сашке с ними уже было неинтересно. Девчонки тем временем повально увлекались музыкой, недавно появившимися группами и отдельными солистами, причём фавориты девичьих сердец менялись с космической скоростью. То в Мытищах давали концерт «Иванушки», и на переменах только и обсуждали Рыжего, томно вздыхая и напевая что-то про куклу Машу. А то вдруг Рыжего затмевал Митя из «Hi-Fi», который потрясающе танцевал, но, как потом выяснилось, вообще не умел петь. Неважно, главное же, что он красавчик! Ещё через полгода русскоязычные кумиры вышли из моды, и девчонки любовно наклеивали на обложки тетрадей картинки с солистами западного бойз-бэнда и в срочном порядке наклеивали на английский язык.

Сашка оставалась от этого сумасшествия в стороне, не понимая его природы. Что интересного они все нашли в Рыжем Иванушке или медведеподобном солисте «Hi-Fi»? Ну да, песни ничего так, поскакать на дискотеке можно. Но какое удовольствие все уроки подряд вглядываться в простоватые лица парней на обложках? Что такого особенного они в них видят? Сашке хватило одного интервью «Иванушек» в модном подростковом журнале (читали украдкой, в девчачьем туалете, чтобы не видели учителя – почему-то журнал считался в школе запрещённым, очевидно из-за романтических историй с фотографиями в конце), чтобы раз и навсегда потерять интерес и к солисту, и к группе в целом. «Иванушка» рассуждал о том, в каких клубах в Москве модно тусоваться, какой длины должны быть ноги у девушки мечты и какую машину он хочет купить. Скучно и глупо. Молодёжные кумиры не давали никаких ответов, они годились только на то, чтобы ими любоваться. А Сашке нужны были ответы. Кто-то, умнее, чем она, с кого можно брать пример, на кого ориентироваться.

Так что Сашкина жизнь в то время проходила без музыкального сопровождения. В подаренном на день рождения плеере болталась одна-единственная кассета, сборник попсы, и отец даже обижался – он привёз дорогой подарок дочери из Москвы, деньги потратил, а она им почти и не пользуется. Так, включит иногда, посидит с наушниками пять минут

и снимает. Голова, мол, болит. Немузыкальный ребёнок растёт, не в него. Он вот в молодости на гитаре так шпарил, весь двор слушал! На трёх аккордах, правда, да неважно, зато с душой!

Закончился пятый класс, шестой. Серое, пустое время. Спустя годы она пыталась вспомнить свою жизнь до появления Туманова – и не могла. Нечего было вспоминать, зацепиться не за что! Отдельные всплески воспоминаний. Мама открывает точку на рынке, папа возит товар для какой-то фирмы, дома появляются коробки «Сникерсов», и через неделю от них уже тошнит. В киосках около школы продают десятки разноцветных баночек с коктейлями, в том числе алкогольными. Одноклассники пьют их на переменах, никого не стесняясь. Сашка налегает на ярко-малиновую газировку, которую постоянно рекламируют по телевизору. Якубович крутит колесо по пятницам, Пельш загадывает мелодии по будням. Мама привозит из Турции пенал в форме робота, весь класс завидует. В моду входят игрушки-тролли с фиолетовыми волосами, на каждой парте сидит по троллю, даже у мальчиков, а у Сашки тролля нет. В Турции их не продают, а купить игрушку в обычном мытищинском магазине мама считает глупостью. Да ты же уже большая! Грустно, но как-то не обидно. «Дюна» поёт про коммунальную квартиру, весёленький, но непонятный клип, Сашка не знает, что такое коммуналка. Папа слушает на магнитофоне Сюткина, и он кажется Сашке ужасно старым, немодным. В костюме, причёсанный, репертуар какой-то дурацкий. Первые игровые приставки. «Денди», картриджи, скачущий по экрану сантехник Марио в красных штанах. Телевизор в родительской комнате, поэтому играть можно только если папа в рейсе. «И недолго, а то кинескоп посадишь». Кризис. Мама сворачивает бизнес, папа пьёт на кухне. Долго разговаривают с мамой по вечерам, урезают и без того скромные карманные деньги, на обед и ужин макароны. Хочешь – посыпай сахаром, хочешь – заправляй майонезом с плутоватым профилем какого-то дядечки на упаковке. И не забудь профиль отклеить и прилепить на холодильник, по воскресеньям телевизионный розыгрыш по номерам с наклейками. Папа устраивается в другую фирму, чаще уходит в рейсы, реже дома, но почти всегда пьяный. Зато в холодильнике снова появляется колбаса. Книжки в свободное время. Новые, взятые у одноклассников, про детей-детективов, раскрывающих страшные тайны, страшилки про гроб на колёсиках и руки из стен. Скучно. Старые, потрёпанные, из шкафа, кажется, ещё мамин. «Кортик», «Бронзовая птица», «Флаги на башнях». Пионеры, комсомольцы, подвиг молодогвардейцев, скачущий на коне Павка Корчагин. Интересно, но непонятно. Почему пионеров больше нет? Почему больше не надо спасать родину и даже гордиться ею как-то стыдно? Сашке очень хочется туда, в эти книжки, в это время, где дети всем нужны, где всё ясно с самого начала: стань октябрёнком, потом пионером, слушай вожатого, вступай в комсомол. Почему сейчас не так? Почему у неё нет такого друга, как Мишка Полевой? Где найти Антона Семёновича, который бы объяснял, что такое хорошо и что такое плохо? Закрываешь книгу, и снова пусто. Пустое время. Бесцветное.

На тот концерт она попала случайно. День города Мытищи, юбилей. Обещали московских звёзд, фейерверк и дискотеку под открытым небом. Аделька, соседка по парте, уговорила её пойти.

– Ты чего! Говорят, Киркоров будет! И «Руки вверх». Автографы возьмём, сфоткаемся! Вход же бесплатный!

Сашка только плечами пожала. Адельке лишь бы куда-нибудь сходить, первая тусовщица класса. По выходным иногда в Москву ездила, звёзд ловила. Даже альбомчик завела, с фотографиями знаменитостей, всех подряд. Сашка относилась к соседке снисходительно, мало ли, чем люди болеют. Зато математику даёт списать и с разговорами не лезет.

– А пошли, – неожиданно согласилась она. – Раз вход бесплатный.

Папа уже три дня сидел дома, и Сашка была согласна даже на Киркорова, лишь бы подольше не возвращаться в квартиру.

Праздник проходил на главной площади. Возвели сцену, поставили милицию, чтобы обалдевшая от обилия знаменитостей толпа не кинулась разбирать артистов на сувениры. Так что Аделькин план взять автографы и сфотографироваться явно срывался. Какое там! Тут бы к сцене протиснуться! Люди стояли до самого памятника Ленину, хотя концерт ещё даже не начался. И народ всё подходил и подходил.

– Может, ну их? – Сашка приподнялась на цыпочки, но увидела только общие очертания сцены вдалеке. – Мы тут даже не услышим ничего!

– Прорвёмся в первые ряды! – уверенно сказала Аделька и сразу принялась пихаться.

– Куда! – Сашка схватила её за куртку. – С ума сошла? Раздавят! Киркоров выйдет, все ломанутся вперёд, и тут будет Ходынка!

Аделька ни черта не поняла, но остановилась. Задумалась на секунду, вдруг просияла.

– Знаю! Ну-ка давай в обход!

И помчалась в противоположном от сцены направлении. Сашка еле поспевала за ней.

– Они же должны как-то артистов к сцене подвозить, верно? Не через толпу ведь звёзды пойдут! – объясняла Аделька на бегу. – Значит, за сценой есть проход. Скорее всего, Советскую улицу перекрыли, и по ней будут машины ехать. Вот там мы и встанем!

– Так сцену же не видно оттуда!

– Именно!

Аделька вывела её аккуратно к боковому ограждению слева от сцены, где не было никого, кроме парочки милиционеров. Они скользнули равнодушными взглядами по девчонкам, но ничего не сказали, когда те пристроились рядом с металлической оградой.

– Видишь, проезд как раз для машины оставили. А вон палатки, там переодеваться будут, – объясняла восторженная собственной гениальностью Аделька. – И теперь все звёзды мимо нас пройдут, никуда не денутся. Ну, на сцене их не увидим, зато вот так, вблизи, можно и сфотографировать, и автограф ухватить.

Сашка покладисто кивнула. Какая разница, где стоять? По крайней мере, не в толпе. Послушать и отсюда можно.

Концерт начался с обращения главы города и выступления местных коллективов. Детки танцевали, какой-то парень пел, то и дело не попадая в ноты, народ благодушно хлопал. А к сцене тем временем подтягивались звёзды. Именно тем маршрутом, который определила Аделька. Пронеслась Королёва, без Николаева, так быстро, что Аделька даже не успела её окликнуть. Зато солист очень модной молодёжной группы, название которой Сашка напрочь забыла, вдруг остановился буквально в двух шагах от ограждения, закурил. Аделька тут же протянула ему блокнот, стала щёлкать мыльницей. Звезда благосклонно улыбалась в объектив, а потом вдруг спросила:

– Девчонки, а есть у вас тут клубешник приличный? Оттянуться бы надо после концерта. Продюсер – сволочь, возит нас по задницам каким-то.

Сашка оторопела. Ей почему-то казалось, что слуги искусства перед выступлением должны думать об этом самом искусстве, а не «клубешниках». Собираться, настраиваться, входить в образ. И слово «задница» в данный контекст никак не вписывалось. Аделя тем временем принялась рассказывать, где в Мытищах можно весело провести время. Звезда зевала, и в итоге заявила, что чёрт с ним, поедет назад, в Москву, вот только споёт оговорённые в контракте три песни.

– Бабло наликом обещали, – доверительно сообщил артист и подмигнул. – А вы, красавицы, местные?

Вопрос был обращён Аделе. И смотрел он на неё, и улыбался ей. Ну ещё бы, высокая, в предельно короткой юбке, на каблуках и при полном макияже, Аделя выглядела гораздо старше своих реальных четырнадцати. А Сашка, в джинсах и дурацкой розовой куртке с далматинцем (мама привезла в один из последних рейсов, решила, что очень мило, и попро-

буй поспорь!), выглядела на её фоне ребёнком. Почувствовав себя лишней, Сашка отошла подальше. И вдруг заметила мужчину, вылезающего из милицейского «Форда», на котором подвозили артистов. Немолодой, на вид лет пятьдесят. Сашка его и раньше видела, конечно, в телевизоре, но как-то не обращала внимания. Он из совсем старых певцов, для бабушек. Как же его зовут?

– Всеволод Алексеевич, вот сюда, пожалуйста! – дядька помоложе тронул его за рукав, потянул в сторону палатки. – Ваш костюм уже привезли.

Зачем ему костюм, подумала Сашка. Он и так в идеально выглаженных, как будто не сидел в машине, брюках. Белая рубашка, галстук под горло, пиджак с платочком в тон. Папа никогда не носил пиджаков и брюк со стрелками, часто повторял, что джинсы – лучшие друзья дальнобойщика.

Всеволод Алексеевич в палатку не торопился.

– Да погодите, дайте на народ посмотреть. Обстановку оценить, так сказать. Ух ты, какая толпа. Весь город собрали?

На сцене гремела музыка, народ аплодировал, но голос Туманова даже в таком шуме был отчётливо слышен, каждое слово.

Он приблизился к ограждению и теперь обзирал площадь. Сашка оказалась в паре шагов от него. Надо бы позвать его, взять автограф, наверное. Для Адельки, в коллекцию. Но Сашка не могла и слова сказать. Только во все глаза смотрела на Туманова, замороженная, как змея перед флейтой факира. Что-то от него такое шло, сильное, притягивающее, опасное.

– Вот как петь, а? – обратился Туманов ко всё ещё крутящемуся около него мужику. – Голоса же нет! Не звучит с утра, понимаешь? А тут столько людей. И надо звучать!

Он качал головой и озабоченно трогал рукой горло, словно пытаясь дотянуться до непослушных связок. Его, кажется, искренне волновало, как пройдёт выступление. По крайней мере, он говорил о голосе, а не о клубе и деньгах.

Наконец он скрылся в палатке, и Сашка отмерла. Пошла искать Адельку, но на прежнем месте не обнаружила ни её, ни подбивавшего к ней клинья солиста. Интересное кино! Но размышлять, куда подевалась подруга, было некогда. Сашка решила во что бы то ни стало пробиться к сцене, посмотреть выступление интересного дяденьки вблизи.

В первые ряды попасть не удалось, но она пристроилась с бока сцены. Так выступающих было видно только в профиль, зато на расстоянии нескольких метров. Успела как раз вовремя, ведущая объявила выход Туманова. Народ вяло похлопал, все ждали Киркорова, заявленного главным номером программы. Сашка подалась вперёд.

– Добрый вечер, Мытищи!

Надо же, прошло всего пять минут, а как он преобразился! Подтянутый, элегантный, костюм с иголочки, белоснежная рубашка, бабочка. Улыбка такая приятная, искренняя. И голос... Голос сводил с ума, обволакивал, хотя артист даже не начал петь. А уж когда начал...

Пел он тот самый бред про «Мытищи, любимый город мой», но так искренне, словно родился и вырос именно тут. И народ, поначалу не слишком обрадовавшийся появлению Туманова вместо ожидаемого Киркорова, даже начал хлопать в такт, подпевать. Особенно старались женщины старше сорока. Дети размахивали шариками, сидя на родительских плечах. Молодёжь, менее вдохновившаяся песней про Мытищи, пользуясь случаем прикладывалась к банкам с пивом и коктейлями. Но Сашка всего этого не замечала. Она смотрела, слушала и в даже верила, что Мытищи и правда «город в зелени садов, славный город трудовой».

– А сейчас я хочу посвятить песню всем присутствующим тут женщинам. Потому что в Мытищах самые красивые девушки на свете!

Девушки в толпе одобрительно загудели, а Туманов уже дал отмашку музыкантам и пошёл в пляс! Танцевал он весьма условно – два шага влево, прихлоп, два шага вправо. То есть просто топтался у микрофона. Но как обаятельно он улыбался! Как искренно считал, что пляшет чуть ли не «цыганочку». И, глядя на него, тоже хотелось улыбаться, и Сашка поймала себя на том, что лыбится, как дурочка, и хлопает в такт. Магия какая-то!

Конечно, это ещё была не любовь. Так, интерес к артисту, вызванный его профессиональным обаянием. Туманов спел ещё две песни и ушёл со сцены. Сашка хотела вернуться к ограждению, но её подпёрла толпа сзади, выбираться было бы слишком сложно. К тому же объявили выход Киркорова, все захлопали, завизжали, и Сашка осталась. Любопытно же посмотреть! И чего все по нему так с ума сходят?

Потом, раз за разом вспоминая этот вечер, с которого всё и началось, Сашка никак не могла понять, зачем ей понадобился Киркоров? А то она его раньше по телевизору не видела! Видела, сто раз. И не нравился он ей ни капли. И зачем осталась? Как бы то ни было, поступок оказался судьбоносным. Если бы не Киркоров, если бы не оголтелый, жадный до развлечений мытищинский народ, желающий во что бы то ни стало разглядеть поп-короля во всех подробностях, если бы не слишком узкая для таких мероприятий площадь Ленина, всё могло сложиться совсем иначе. Спокойно ушла бы Сашка после концерта домой, поужинала бы холодными макаронами с куском докторской колбасы под аккомпанемент родительской ругани, а завтра школа, уроки, к концу года задавать стали много. И забыла бы про Туманова. И, кто знает, может, жила бы счастливо? Но всё сложилось совсем иначе.

Сашка поняла, что её пророчество насчёт Ходынки сбывается, где-то на втором киркоровском куплете. Народ напирал, все хотели оказаться в первом ряду, возле ограждений. Впрочем, ограждений уже не было, их просто смели, и теперь счастливчики, стоявшие к ним ближе всего, оказались вжатыми в основание сцены. А люди продолжали толкаться, не замечая этого. Сашка чувствовала, что движется в направлении сцены помимо своей воли. Она пыталась сопротивляться, но куда с её весом, если сзади давит несколько здоровых мужиков? Её просто несло вперёд, к изгаляющемуся поп-королю.

Организаторы опомнились, когда Киркоров допел. Ведущая выскочила с микрофоном на сцену, прервав аплодисменты и поклоны.

– Уважаемые граждане! Пожалуйста, сделайте шаг назад! Шаг назад, пожалуйста!

Какое там! Назад никто не хотел, все хотели вперёд. Тем более, что заиграло вступление следующей песни, мега-хита про «Шика дам». Киркоров пел, ведущая жестами пыталась отодвинуть толпу, милиционеры, которых явно не хватало, затерялись в людском потоке. Сашка только успевала переставлять ноги, больше всего боясь оступиться. Вот теперь стал понятен смысл выражения «идти по головам». Только споткнись, затопчут насмерть. Где-то слева уже верещала женщина. То ли её придавили, то ли ребёнка. Какого чёрта они не уберут со сцены поп-короля? Понятно же, что иначе толпу не остановить!

И вдруг, перекрывая грохот музыки, вокал Киркорова и людской гул, раздался знакомый голос. Спокойный, ровный, уверенный.

– Друзья, если вы немедленно не остановитесь, мы прекратим концерт. Шаг назад, пожалуйста. Вы давите первые ряды. Здесь маленькие дети. Шаг назад, или мы заканчиваем концерт.

Сашка подняла голову. Туманов стоял на сцене с поднятой рукой и вытянутыми вверх почему-то двумя пальцами. Как Владимир Креститель из учебника отечественной истории. Стоял над толпой, которая могла смести и его тоже, абсолютно уверенный в своей силе. Музыка затихла, Туманов удовлетворённо кивнул и повторил свою просьбу.

– Шаг назад!

И толпа повиновалась! Как строй солдат по команде генерала на параде! Сашка почувствовала, как давление на спину ослабло, теперь её толкали спереди, но уже не так сильно. Надо было пользоваться моментом – она резко шагнула наискосок, нарушая строй, пока ряды не сомкнулись. Ещё раз, ещё, к спасительной, уцелевшей боковой ограде.

В финале концерта обещали салют, но Сашка не осталась его смотреть. Ну к чёрту! Она ещё потолклась у ограды, посмотрела, как Туманов спускается со сцены, как с озабоченным лицом идёт к машине, как бросает кому-то через плечо – сворачивайте лавочку, они всё равно не уйдут. И что-то ещё хотел сказать, но передумал, махнул рукой и сел в полицейский «Форд». Когда тонированное стекло поднялось, скрывая артиста от посторонних глаз, Сашка развернулась и пошла домой. За спиной ещё гудела толпа, гремела музыка. Уже возле дома она заметила вспышки салюта, но не задержалась ни на секунду, зашла в подъезд и захлопнула за собой тяжёлую железную дверь. Всё самое главное в её жизни сегодня состоялось, только Сашка об этом ещё не знала.

Всеволод Алексеевич уехал из Мытищ в тот же вечер, даже не остался ночевать в гостинице – зачем? До его дома на Арбате оттуда всего пара часов на машине, а спать лучше в своей кровати. И он даже не подозревал, что поселился в одной из квартир типовой многоэтажки Ярославки очень надолго.

А у Сашки появилось настоящее увлечение. Сначала маленькое, осторожное, с опасением – а вдруг снова не то? Вдруг герой ненастоящий? Не такой, как в книгах. Вдруг иллюзия рассыплется от сказанной в интервью глупости, фальшивой улыбки, низкого поступка? Но всё, что попадалось Сашке о Туманове – заметка в газете, интервью в глянцевого журнала, несколько фраз в пятничной передаче про шоу-бизнес, – всё только подстёгивало её интерес к артисту. Он рассуждал об искусстве и жёстко осуждал любую халтуру, был ярким противником фонограммы и проплаченных эфиров, он постоянно говорил какие-то правильные вещи о любви к родине, идеологии, политике. Далеко не всё Сашка понимала, зато, когда он говорил о Зарине, ловила каждое слово. Знакомство, пусть даже заочное, через передачу о семьях звёзд, с Зариной Тумановой окончательно сделало Сашку поклонницей артиста. С какой нежностью он смотрел на супругу! Как уважительно о ней говорил! Двадцать лет вместе! И она к нему – Всеволод Алексеевич! На «вы»! Через двадцать лет брака – на «вы»! Как разительно отличались их отношения от тех, что Сашка наблюдала ежедневно у себя дома.

Теперь Сашка стала понимать одноклассниц, «заводивших» себе кумиров! С появлением Туманова её жизнь обрела новые краски, появились новые цели, новые интересы. Например, охота за кассетами.

Кассетами и дисками (для счастливых обладателей редких и дорогих CD-проигрывателей) торговали в сквере возле той самой площади Ленина. Мимо неё Сашка проходила сначала с содроганием, а потом с нежностью. Страх быть раздавленной забылся, зато теперь площадь прочно ассоциировалась с Всеволодом Алексеевичем. Он здесь пел, он вот здесь ходил, он смотрел вот на этот памятник Ильичу, пока выступал. Сам Туманов, наверное, давно забыл мытищенские декорации, они вытиснились сотнями других, а Сашка помнила и хранила воспоминания о том вечере. Даже попыталась их описать в специально заведённой тетрадке, сама не зная, зачем, просто стараясь сохранить память, пока она не истёрлась.

Она ходила вдоль торговых рядов, высматривая в череде обложек лицо Туманова. Но тщетно. Тут продавали кассеты «Иванушек» и «На-на», Апино и Свиридову, сборники популярных песен, даже детские сказки в озвучке артистов театра. Что угодно, только не Туманова. Заметив пятый раз проходящую мимо девушку, один из продавцов её окликнул.

– Вы ищете что-то конкретное?

Сашка не любила разговаривать с чужими, но ответить пришлось.

– Туманова? – поразился торговец. – Всеволода Туманова? Девушка, если вы встретите когда-нибудь Всеволода Алексеевича, передайте ему большой привет! Потому что его альбомов я не видел уже лет десять! Последний, пожалуй, выходил на пластинке!

Над удачной шуткой коллеги смеялся весь ряд. Сашка умчалась домой с горящими ушами. Зато ей пришла в голову неожиданная мысль.

Она помнила, что старые пластинки хранились где-то на антресолях. Сашка не поленилась приволоочь из кухни табуретку, залезть. Долго пыталась подцепить кончиком швабры слишком далеко задвинутый чемодан, оказавшийся, к тому же, весьма тяжёлым. Чуть не слетела вместе с ним, почти час возилась с проржавевшим замком. Но нашла то, что искала! Среди пожелтевших конвертов с Жанной Бичевской и Вилли Токаревым она обнаружила одну-единственную пластинку Туманова. Судя по отсутствию царапин, её никто никогда не слушал.

Проигрыватель тоже был на антресолях, и даже работал! Шипел, плевался, то и дело норовил заесть, но работал! И Сашка слушала песни про Волгу, про весёлых комсомольцев и про отважных геологов. Правда, если бы не фотография на обложке, она никогда бы не поверила, что пел Туманов. Голос совсем другой, без мёда, без магии, без обволакивающих интонаций. Просто голос. Звонкий, громкий, весёлый. Но – обычный. И всё-таки она нашла его записи!

Потом у неё появились и кассеты – Аделька во время очередного вояжа в Москву заглянула на легендарную Горбушку, где можно было найти не то, что Туманова, а ещё какого-нибудь дореволюционного певца. Привезла заветную коробочку с новым, самым последним альбомом. Туманов на фотографии стоял, скрестив руки на груди, смотрел с прищуром. Сашка тогда впервые обратила внимание, какие у него потрясающие, почти синие глаза. Сборник назывался «Тебе, моя любовь». И песни на нём были совсем не про комсомольцев. Зато голос тот самый, с мёдом. Кассета поселилась в плеере, а подкассетник с фотографией в школьном рюкзаке Сашки, став и талисманом, и самой охраняемой её тайной.

Ну что же вы не пьёте кофе? Остывает. А, заслушались. Вижу, вижу, что вам интересно. Да и кофе вам лучше не пить, у вас давление повышенное. Гипертоник, наверное? Нет-нет, ну что вы, я не врач. Я же говорила, я заканчивала юридический. Уголовно-правовая специализация, так что если медициной и занималась, то исключительно судебной, в институте. Огнестрелы, колото-режущие, удушения, изнасилования. У нас такой весёлый преподаватель был, при любой возможности таскал нас в морг. Хотя для юриста это не обязательно. Но нам нравилось! Романтика профессии, настоящее дело, реальные трупы, а не картинки в учебниках.

Откуда про давление узнала? Так у вас зрачки расширены. И вы замялись, когда заказывали напитки. Наблюдательность? Безусловно! Причём ставшая привычкой. Нам приходилось быть чрезвычайно наблюдательными, чтобы знать о Туманове больше, чем предлагали газеты и телевидение. А Интернета тогда ещё и не было, по крайней мере, он ещё не стал общедоступным. Мы копили деньги, покупали какие-то карточки для выхода в Сеть на час или на два. Сейчас даже представить сложно, да? Сначала долго и упорно соединяешься, слушая пиликанье модема, потом с черепашной скоростью открывается главная страница Яндекса. Одним пальцем вбиваешь заветные слова «Всеволод Туманов» в надежде узнать о нём что-то новое. А потом оказывается, что там те же газеты, только в электронке.

Дальше стало проще, конечно. Безлимитный доступ, высокая скорость, социальные сети. О, это был огромный подарок всем поклонникам и большое несчастье для артистов. Представьте, где бы ты ни появился, тебя не просто узнают, а ещё и сфотографируют, видео запишут, а потом выложат где-нибудь ВКонтакте или Инстаграме с указанием вре-

мени и места съёмки. Никакой приватности! И если раньше мы наблюдали Всеволода Алексеевича только в том виде, в котором он сам хотел предстать перед журналистами и телекамерами, то благодаря социальным сетям мы могли посмотреть и как он ест бутерброд где-нибудь в буфете Шереметьево, и как дремлет в кресле самолёта, и как ругается со звукорежиссёром на саунд-чеке перед концертом. И знаете, я не уверена, что это благо. Иные снимки я предпочла бы не видеть. Но к тому моменту он уже начал стареть, и мы радовались просто тому, что он куда-то полетел, где-то выступает, значит, жив и в достаточной степени здоров, чтобы работать.

А привычка наблюдать осталась ещё с тех времён, доинтернетовских, когда информации было катастрофически мало. По глазам, по жестам, по тому, как стоит, как ходит, как нагнулся за цветами, мы могли понять гораздо больше, чем по самому подробному интервью. В интервью он ведь не расскажет, что влюблён в очередную юную нимфу, что устал после двухнедельных гастролей, поругался с женой, или что у него болит выбитая тогда в автоаварии коленка. Где-то ошибались, конечно, по-разному трактовали одни и те же картинки. Нюра, например, всегда, любое событие воспринимала в положительном ключе. Из-за чего мы с ней ругались, нас с Сашкой больше в драму тянуло, а её вечный оптимизм раздражал. Особенно, когда Туманов начал болеть. Торчим на саунд-чеке, смотрим, как он репетирует. Ну видно же, что никакой: то и дело присесть норовит, срывается на всех музыкантов по очереди, пот со лба утирает. А Нюра всех убеждает, что он в отличной форме, что концерт пройдёт просто прекрасно, что надо верить в хорошее.

Но о Нюре потом. Вернёмся пока к Сашке...

Она привыкала к Туманову постепенно. Поначалу он был просто увлечением – любимым исполнителем, красивым мужчиной, на которого приятно смотреть. Наличие кумира само по себе делало жизнь интереснее, разнообразнее. Новые цели: найти редкую запись, дожидаться его выхода в телевизионном концерте, вырезать фотографию из газеты и аккуратно подклеить в альбомчик. Туманов был Сашкиным хобби, таким же, как коллекционирование марок у пионеров из её любимых книжек.

У неё появились новые знакомства. Тётя Маша, торговавшая журналами в киоске возле школы, теперь оставляла ей газету, если в ней попадалось интервью Всеволода Алексеевича. Тёте Маше не жалко, она всё равно пролистывает все издания про шоу-бизнес. А Сашке огромная помощь! Поначалу она пыталась скупать все музыкальные издания еженедельно, но денег катастрофически не хватало. Так что тётя Маша сэкономила ей бюджет и нервы – больше не надо было бояться что-нибудь о Туманове пропустить.

Сашку только расстраивало, что огромный пласт материалов о Всеволоде Алексеевиче она в любом случае уже пропустила. На тот момент он стоял на сцене лет тридцать. Страшно представить, сколько за это время о нём всего понаписали! Особенно волновали Сашку интервью доперестроечного времени. Она подозревала, что советская журналистика отличается от новой российской так же, как и литература. Сейчас корреспонденты чаще спрашивали Туманова, какой сорт алкоголя он предпочитает и одежду какой марки носит, на какой машине ездит и сколько комнат у него в доме. Про творчество говорили редко и как бы между делом.

Решение проблемы пришло внезапно, когда Сашка поехала с мамой в санаторий. Всё началось с грандиозного скандала. У отца сломалась машина, вышла из строя какая-то редкая деталь, и новую надо было ждать из-за границы. В рейс он отправляться не мог, так что целыми днями лежал перед телевизором и смотрел футбол. Как раз шёл чемпионат мира, и матчи транслировали постоянно. Сашка только успевала выносить бутылки из-под пива (которые меняла в пункте приёма стеклотары недалеко от дома – какая-никакая, а копейка). К вечеру отец доходил до кондиции и отправлялся на кухню, запивать очередное пораже-

ние нашей сборной первачком собственного производства – месяц назад он привёз из рейса кустарный самогонный аппарат, долго разглагольствовал о том, что домашний, натуральный продукт гораздо полезнее магазинного дерьма, и теперь в доме постоянно пахло сивухой. Но это ерунда, гораздо хуже было, когда отец готовил сырьё для перегона – на неделю замочил в ванне пшеницу, так что никто не мог принять душ, да и просто зайти в санузел.

Словом, отец пил, и Сашка старалась как можно быстрее прошмыгнуть в свою комнату, закрыть дверь и не вылезать без лишней необходимости. Но в один из вечеров доносящиеся из кухни крики стали перекрывать даже поющего в наушниках Всеволода Алексеевича, и Сашке пришлось отложить плеер и выглянуть из укрытия. Кричала мама, закатывая редкую, но показательную истерику с заламыванием рук и стенаниями о загубленной жизни. Отец угрюмо молчал и смотрел только на наполненный стакан, стоящий перед ним.

– Вся жизнь проходит мимо! Маринка летала в Тунис! Светка купила кожаное пальто! А Наташкин муж строит дачу в Подмоскowie! Дачу, Коля!

– Так ты чего хочешь, в Тунис или дачу? – мрачно уточнял отец.

Что интересно, он выглядел совершенно трезвым. Вот это поражало Сашку больше всего – чем сильнее он пил, тем медленнее пьянел. Она даже не могла понять по его лицу, сколько сегодня уже принято и стоит ли подходить к отцу близко. Несколько раз попадалась: считая его трезвым, откликалась на зов, садилась рядом, отвечала на вопросы о школе, показывала по его требованию дневник. Свою ошибку понимала слишком поздно. Выпившего отца тянуло на философию, он находил в дневнике недостойную, по его мнению, оценку, и начинал распекать дочь, вспоминая, что сам учился гораздо лучше. «Дворником станешь! – кричал он, потрясая дневником. – И замуж тебя никто не возьмёт! Мало того, что страшная, так ещё и дура!». Сашка и так знала, что не красавица, да и замуж не собиралась. Больно надо! Насмотрелась она на счастливую семейную жизнь родителей, спасибо. Но всё равно было обидно.

– Так в Тунис или дачу, выбирай! – требовал ответа отец, как будто прямо сейчас мог купить путёвки или домик где-нибудь на Истре.

– В Тунис! – крикнула мама и демонстративно стала капать в стакан «Корвалол».

– Отлично! – папа потёр руки. – Отлично! Поедешь в свой Тунис!

На следующий день он принёс маме две путёвки в санаторий Теберды. Для неё и для Сашки. Вытребовал с профсоюза в их фирме, как потом оказалось, с небольшой доплатой. И они с мамой поехали.

– Не Тунис, конечно, зато отдохну от бесконечных кастрюль и половых тряпок, – заявила мама.

Сашка просто была рада хоть куда-то выехать из осточертевших Мытищ.

Теберда оказалась крохотным городком, втиснутом между красивейших, покрытых снегом гор. Делать в ней было абсолютно нечего, ездить на экскурсии в горы мама категорически отказалась, и Сашку не пустила – дорого и опасно! Сашка подозревала, что в первую очередь дорого. Они сидели в унылом, не ремонтировавшемся со времён СССР санатории, где все развлечения сводились к посещению столовой три раза в день. Мама ходила на процедуры, принимала ванны и массажи, а Сашка, измаявшись от скуки, решила заглянуть в санаторскую библиотеку. Она собиралась взять какую-нибудь книжку, но едва вошла в прохладное и приятно пахнущее старым деревом помещение, увидела толстые подшивки журналов на большом столе. Пролистала один, второй. Это были те самые журналы о звёздах, которые для неё оставляла тётя Маша, только за прошлый год. И за позапрошлый.

– А ещё есть? – дрожащим от волнения голосом поинтересовалась она у библиотечарши.

Похожая на Гингему из «Волшебника Изумрудного города», худая, в длинной, по полу волочащейся юбке, с пучком фиолетовых волос и узкими очками, библиотечарша оценива-

юще посмотрела на Сашку, хмыкнула и исчезла в соседней комнате. А спустя пять минут вынесла ещё две подшивки. Потом ещё две. С этого началась их большая дружба.

Тамара Алексеевна давно забыла, когда получала удовольствие от своей работы. Вот в советское время библиотека была чуть ли не центром санаторской жизни. Каждое утро в читальном зале собирались отдыхающие – труженики заводов и колхозов, читали свежие газеты. После обеда приходили за книгами, поменять, выбрать новую, обсудить! Тамара Алексеевна могла посоветовать, что почитать, подобрать каждому, от пионера до ветерана труда, произведение по вкусу. Библиотекарь была местным богом, определяющим, кто успеет за три недели отдыха получить вожделенный томик Стругацких, а кому придётся довольствоваться «Поднятой целиной».

А потом всё переменялось. В библиотеку отдыхающие захаживали реже, а если и приходили, то спрашивали совсем не Стругацких. На скромные деньги для обновления фондов Тамара Алексеевна всё чаще закупала новую Донцову, востребованную у всех возрастов. А вместо «Комсомолки» и «Здравницы Кавказа», библиотека теперь выписывала журналы про шоу-бизнес. Да и те читали неохотно, требовали свежий выпуск. Как будто вчерашние сплетни об артистах сильно отличаются от сегодняшних!

Неудивительно, что девочка, каждый день, как на работу прибегавшая в библиотеку и часами просиживающая над толстыми подшивками, вызывала у Тамары Алексеевны симпатию. А уж когда она поняла, кого выискивает эта девочка в старых журналах! Подумать только, Туманов, как и двадцать лет назад, во времена её молодости, ещё кружит голову юным барышням! Поразительный человек! Тамара Алексеевна как-то была на его концерте, он приезжал с гастрольями в Теберду. Пел что-то про комсомол, партию, немного даже про любовь. Красивый, обаятельный, галантный. Целовал руки всем женщинам, выносившим ему цветы. Тамара Алексеевна никогда эстрадой не увлекалась, но Туманов её очаровал. И вот сколько лет прошло, и время другое, и певцы нынче другие в моде, а поди ж ты!

Поначалу, найдя материал о Всеволоде Алексеевиче, Сашка просто читала. Потом догадалась спросить про ксерокс, но ксерокса в библиотеке не оказалось. Тогда она стала переписывать интервью Туманова в тетрадку. Жаль, скопировать фотографии было невозможно. Тамара Алексеевна посмотрела на её мучения, а потом предложила:

– Ты можешь выдернуть из подшивки те страницы, которые тебе нужны.

Сашка не поверила. Рвать журналы в библиотеке? На глазах у строгой хранительницы и с её разрешения?

– Ты думаешь, их кто-нибудь хватится? А тебе они нужнее, я же вижу.

Теперь Сашку было просто невозможно из библиотеки вытащить. Домой из Теберды она привезла не фотографии на фоне гор, как полагается, а бережно хранимую папку с журнальными вырезками, которые потом подклеивала в свой уже довольно пухлый альбом.

Следующим логичным шагом стало освоение куда более интересной библиотеки – знаменитой московской Ленинки. Адельку пришлось долго убеждать, она явно не горела желанием потратить день в Москве на посещение библиотеки! Да и пропуск там оформить – целое дело. Но Сашка умела быть настойчивой, к тому же, Аделька так путалась в правилах русского языка, что без соседства с Сашкой вполне могла остаться на второй год. В Ленинке ксерокс имелся, а ещё там хранились экземпляры всех газет, выходивших в СССР. Так что вскоре Сашкина коллекция пополнилась огромным количеством ксерокопий. День, когда Аделька привезла из Москвы целую пачку материалов, фактически, целую жизнь артиста, отражённую в заметках и интервью, Сашка запомнила очень хорошо.

Она влетела в свою комнату, не забыв плотно притворить дверь, и как величайшую драгоценность выложила содержимое объёмного пакета на стол. С первой же заметки на неё смотрел совершенно незнакомый Туманов. Она бы его и не узнала, если бы не подпись. Откровенно говоря, в молодом человеке со странным, непривычно большим и квадратным

микрофоном в руках не было ничего привлекательного: ни лёгкого прищура, который ей так нравился, ни сквозящего во взгляде спокойствия, и даже улыбка, вроде бы не изменившаяся с годами, имела другой оттенок. По-идиотски жизнерадостный вместо привычно-грустного. А жизнерадостные идиоты Сашку всегда раздражали. И тем не менее заголовок не оставлял сомнений: «Всеволод Туманов привозит в Москву янтарного соловья». Это, надо думать, о победе на фестивале в Сопоте. Где-то она уже слышала, что символом знаменитого песенного конкурса была фигурка певчей птички.

Сашка листала страницы, бережно раскладывала статьи по годам, вставляла в прозрачные файлы, чтобы не затиралась краска. И читала, то и дело прерываясь, чтобы посмотреть, много ли осталось впереди. Пачка толстая, почти целая книга. Книга о Туманове, с ума сойти!

Язык статей отличался по десятилетиям. В семидесятых писали сухо, скупое. Не статья, а сплошное перечисление имён композиторов и названий песен. Почти ничего о человеке, очень мало об артисте. Зато подробно о том, с кем он работает, в каких городах выступал, как благодарны ему труженики Кубани или Казахстана за творческие встречи. Зато география заметок поражала! В «Ленинку» приходили копии всех газет, печатавшихся в Советском Союзе, и Сашке попадался то «Комсомолец Кузбасса», то «Правда Находки». Надо думать, не на все концерты Туманова газеты отзывались статьями, но даже по тем, что попали к Сашке, было ясно – артист мотался по городам с космической скоростью. Три концерта там, пять концертов здесь, шефское выступление для рабочих завода в Свердловске, встреча с комсомольцами Каспия. И без фонограммы, без малейшей возможности облегчить себе жизнь. Сашка припомнила одну из недавних передач, где Всеволод Алексеевич рассказывал, как зарабатывал на первую квартиру в Москве, как влезал в долги, а поначалу чуть ли не на вокзале ночевал. И пел по сорок концертов в месяц, чтобы расплатиться сначала за заветные квадраты, потом за мебель и за первую машину «Жигули». Сашка тогда пропустила его рассказ мимо ушей, но теперь, когда в руках были реальные подтверждения его гастрольных мытарств, живо представила, какой ценой давалось ему нынешнее благополучие. И почему-то захотелось немедленно сесть за учебники, выучить, наконец, строеные клетки и генетику – темы из экзаменационных билетов по биологии, которые ей никак не давались.

В восьмидесятых заметки постепенно вытеснялись интервью. Туманов получил сначала Заслуженного, потом Народного. Вероятно, теперь ему позволялось не только петь, но и говорить – всё чаще журналисты задавали вопросы артисту до или после концерта, а не просто писали о нём в третьем лице. К интервью прилагались фотографии, пусть и подпорченные нечутким ксероксом. Но и за ними живой человек проступал неохотно. По вопросам и ответам невозможно было узнать ничего о Туманове: чем он живёт, что думает. Сашка прочитала всё, от первой до последней строчки, но целая стопка бумаги не добавила ни грамма к тому образу, который ей был уже знаком. Только в одной статье, восемьдесят девятого года, она нашла краткое, в пару строк упоминание, что Всеволод Туманов в составе группы артистов ездил с концертами в Афганистан. И – никаких подробностей.

Сашка раз за разом перечитывала заметку, но больше, чем написано, узнать из неё всё равно было нельзя. Тогда потянулась за исторической энциклопедией, по которой иногда готовила доклады для уроков. О войне в Афганистане у неё имелось очень смутное представление – их учительница, молодая, первый год после института преподававшая, сама запуталась, кто с кем воевал и почему, в итоге даже не стала спрашивать эту тему на следующем уроке. Энциклопедия тоже не слишком широко освещала вопрос, – три скромных абзаца и фотография кабульского дворца. Но главное Сашка уловила – Всеволод Алексеевич настоящий герой, он был на фронте. Можно даже попереживать (Его же убить могли! Или ранить!),

но, во-первых, как бы Сашкина душа ни требовала мелодрамы, сложно игнорировать количество прошедших лет. А, во-вторых, Сашку ждали ещё статьи за девьяностые годы.

Вот там целый кладёзь личной информации. И фотографии Зарины, и экскурсия по дому артиста, и его любимое кресло, и его машина – дорогуший «Мерседес», со всех ракурсов. Куда там первым «Жигулям»! Зато о творчестве – почти ничего. Пресса словно отрывалась за все годы советского пуританства. Сашка увлечённо шуршала страницами, хотя порой и недоверчиво хмыкала. Вера в печатное слово у неё была безусловной, но как, скажите, поверить заметке в «Спид-Инфо», рассказывающей о новой любви мэтра эстрады? И приводящего фотографии, где Туманов обнимает свою бэк-вокалистку? Что за глупости? У него же есть Зарина. Нет, в это решительно невозможно поверить. Такие статьи Сашка откладывала в отдельную стопочку, которую потом подшила в папку с надписью: «Сомнительное» и убрала подальше в стол. На следующий день благополучно про неё забыла, вернув Туманову статус безгрешного идеала. Тогда у неё ещё это легко получалось.

С годами стало тяжелее. Или он начал чаще давать интервью?

Сашкина сокровищница постепенно росла. В какой-то момент она поняла, что передачи с участием Туманова и его выходы на концертах можно записывать на кассеты. Видеомагнитофон, равно как и телевизор, стояли в зале, где властвовал отец. Кассеты тоже покупал он, часто привозил из рейсов перезаписанные у кого-то фильмы: «Терминатор», «Побег из Шоушенка», все части «Полицейской академии». Иногда пересматривал, но чаще видеомагнитофон просто собирал пыль – отцу хватало того, что показывали по программе. И великое счастье, если концерт с участием Туманова выпадал на день, когда отца дома не было. Сашка затаив дыхание сидела перед телевизором с пультом наперевес. Сначала пыталась записывать концерты целиком, но так кассеты слишком быстро заканчивались, да и перемаывать потом не с руки. Наловчилась заранее угадывать его выход и нажимать на кнопку записи. Это оказалось несложно, тайну телевизионно-концертной драматургии она легко разгадала: «тяжёлая артиллерия» в лице мэтров шла либо в самом начале, либо в самом конце. Туманова всегда выпускали после какой-нибудь певицы, исполняющей песни про любовь, так он лучше смотрелся, на контрасте. Ну и по дальнему плану, с которого начинается выход артиста, легко опознавала до мелочей знакомую фигуру, чуть прихрамывающую походку, лёгкий поворот головы.

Мама к Сашкиному увлечению относилась сдержанно, на застывшую на корточках у телевизора дочь смотрела с удивлением, но не протестовала, переключить канал не пыталась. Концерт так концерт, какая ей разница, что смотреть? Она могла даже обсудить наряд очередной поп-дивы или подпеть телевизору. Только Туманова никогда с Сашкой не обсуждала, замолкала, едва он появлялся.

Но если дома был отец, все концерты отменялись. Сашка грызла ногти в своей комнате, зная, что прямо сейчас, в эту минуту по телевизору могут показывать Туманова, а она всё пропускает. Особенно обидно становилось, если заветного эфира она ждала целую неделю, считала дни, а в последний момент оказывалось, что отец никуда не уезжает. Потом наловчилась заранее ставить кассету, программировать нужный канал и время записи на видеомагнитофоне. Смотреть телевизор это папе не мешало, но вот кассеты таким образом расходвались с катастрофической скоростью. А новые стоили дорого, и вскоре Туманов вытеснил все Сашкины с детства оставшиеся мультики и сказки, мамыны комедии и медленно подбирался к отцовским боевикам. Сашка рисковала, но поделаться с собой ничего не могла.

Когда на очередной день рождения она получила собственный телевизор, старый, с посаженным кинескопом, принесённый матерью с работы – поликлиника закупила новые для вип-палат, а старые продала сотрудникам по дешёвке, счастьем Сашки не было предела. Видеомагнитофон ей отдали родительский, всё равно им никто толком не пользовался.

– Ты только про учёбу не забывай, – заметила мама, наблюдая, как Сашка расставляет свои сокровища на тумбочке с оторванной дверцей и тут же заряжает кассету в магнитофон.

Какое там забывай! К тому моменту Туманов уже пережил аварию, а Сашка определилась с профессией. Но уроки она теперь учила исключительно под его пение, а засыпала под его интервью. Все накопленные кассеты можно было гонять по кругу, и его голос звучал в комнате постоянно. Он успокаивал. Снаружи, за пределами комнаты, могло происходить всё, что угодно: отец кричал и бил посуду, мать причитала, что в холодильнике нет продуктов, на улице шёл снег, обещая к вечеру растаять, а за ночь замёрзнуть, так, чтобы утром в школу пришлось практически ползти, учителя пугали предстоящими экзаменами, а одноклассники просто игнорировали странную девочку, – чтобы ни произошло, за дверью комнаты ждал Всеволод Алексеевич. Надёжный и понятный, поющий о любви и дружбе, улыбающийся с афиш, провожающий её добрыми, чуть прищуренными глазами. Живущий в совсем другом мире: музыки, аплодисментов, красивой одежды и ярких огней.

Если становилось совсем тошно, Сашка не выключала его записи всю ночь. Всю ночь Туманов пел, когда отец впервые подрался с матерью. Всю ночь пел после того, как Сашка первый раз осталась у Лёшки. И когда его выгнала, тоже пел. И когда её не позвали на выпускной, конечно.

Нет, в общем-то, закономерно. Она давно перестала быть частью класса, и к выпускному отношения поддерживала только с Аделькой. Мама потом говорила, что Сашка сама виновата, точнее, виноват Туманов, задушивший ей голову.

– Кто с тобой дружить будет, если у тебя только он в мыслях?

Но мама ошибалась. Отношения с одноклассниками у Сашки не разладились с появлением Туманова. Они у неё никогда и не налаживались. С того первого дня, когда она переступила порог школы, с пятнадцатого апреля.

Просто мама забыла подать документы в первый класс. Как-то мимо её сознания прошло, что дочке исполнилось шесть. А может быть, сработал советский стереотип, когда в школу отдавали с семи. В марте отпраздновали семилетие, а случайно встреченная на улице подруга сообщила Ниночке, что в следующем году пятая школа первоклашек набирать не станет, всех отправят в восьмую.

– В восьмую? – возмутилась Ниночка. – Там же одни обормоты учатся! Ни за что!

Всеми правдами и неправдами, больше, конечно, неправдами и не без помощи привезённой из Турции шубки, Сашку впихнули в первый класс к концу учебного года.

Она пришла, когда не только парты, но и друзья-подруги давно были разобраны. Новенькую моментально окружили, рассматривали её тетрадки, расспрашивали, откуда она взялась. А дикая Сашка, никогда прежде не попадавшая в детский коллектив, только молчала.

Учительница занималась с ней отдельно, и Сашка как-то привыкла, что она сама по себе. Все читают про маму и раму, а она заполняет пропись, все репетируют песню для утренника, а она решает примеры по математике. Участвовать в утреннике ей никто не предложил, посчитали, что новенькая просто не успеет выучить за оставшиеся несколько дней песенку про родину. Ерунда, Сашка запомнила её, как только услышала. Но никому об этом не сказала. Постеснялась.

Она потом часто вспоминала свой неудачный первый класс, те полтора месяца, жалкий огрызок школьной счастливой поры. Иногда ей казалось, во всём виновата мама. Почему её не отдали в восьмую школу? Какая разница, где учиться? Зато там она бы не была чужой. Пошла бы первого сентября, с бантиками и цветами, на линейку, познакомилась бы с такими же взволнованно-растерянными первоклашками, нашла бы друзей. С самого начала была «своя». Но откровенно говоря, Сашка и сама понимала, мама не при чём. Виновата

она, Сашка. Ведь приходили к ним и потом новички, и сразу становились центром притяжения. Катька вон в пятом классе пришла, так в неё все мальчишки влюбились, хором. А Олег в седьмом перевёлся к ним, так его старостой выбрали уже через неделю! Нет, это она виновата, что так и не стала частью класса. Надо было играть с девочками в куклы, а не с мальчиками в черепашек Ниндзя. Читать по слогам на уроке, а не «Педагогическую поэму» на перемене. Носить платица, которые привозила мама, а не пятнистые майки и кепки козырьком назад. И улыбаться, чаще, всем.

А с появлением Туманова пропасть, и без того глубокая, превратилась в непреодолимую. Только с Аделькой у них оставались общие интересы. Та тоже бредила Москвой, концертами и артистами. Правда, всеми подряд, лишь бы популярные были. Мечтала стать певицей, а на выпускном, говорят, даже пела перед всей школой.

Окончательно отношения с классом у Сашки испортились в последний учебный год. Все ходили злые – свалившийся единый экзамен основательно трепал нервы и учителям, и выпускникам. Сашка готовилась к поступлению в медицинский, и откровенно забила на все предметы, которые не требовалось сдавать в медвуз. Даже любимую прежде историю пропускала. Некогда. И незачем. В освободившееся время зубрила биологию и химию. Вот и получилось, что о сборе денег на выпускной она узнала в последний момент. Собирали по тысяче: на украшение класса, на ленты, шары, на подарки учителям и на кафе. Говорили, там даже шампанское будет, всё по-взрослому. Тысячу рублей стоил праздник окончания детства. Ровно тысяча рублей лежала у Сашки в копилке. И ровно месяц оставался до того, как она должна была превратиться в билет на концерт Туманова. Первый в её жизни «настоящий» концерт в Москве, куда она поедет поступать в институт. Так удачно, что он объявил бенефис именно в дни вступительных экзаменов. Оставалось ещё накопить на цветы.

Вопрос, что выбрать, для Сашки даже не стоял. Она попробовала заговорить с родителями о выпускном, но реакция оказалась предсказуемой.

– Тысяча рублей? Они с ума посходили? В доме копейки лишней нет! – визжала мама.

– Вымогательство! – вторил ей отец. – Да я в прокуратуру напишу! Права не имеют!

Права не имели. Но и обязанности приглашать Сашку в кафе, за которое она не платила, не имели тоже. Обидно было, что не позвали даже на последний звонок. А аттестат Сашка получила у классной руководительницы. И Всеволод Алексеевич на записи пел для неё три ночи подряд. Дольше расстраиваться Сашка себе не позволила – самое главное, институт, Москва и концерт Туманова, были у неё впереди.

На всё время экзаменов Сашка поселилась у тётки Маруси, дальней родственницы отца, которую она и в глаза никогда раньше не видела. Но тётя Маруся жила на Воздвиженке, и отец рассудил, что нечего тратить деньги на дорогу, мотаться туда-сюда. Передал с Сашкой подарок, он же плата за постой – бутылку самогона. Тётя Маруся окинула скептическим взглядом сначала бутылку, потом Сашку, хмыкнула и указала на прислонённую к стене раскладушку.

– На балконе разложишь. Мужиков не водить. Комендантский час в десять. Придёшь позже – не пушу. Ишь ты, племяшка!

Сашка её даже не слушала. Подумать только, она в Москве! Одна!

– А Коля всё пьёт? – продолжала тётя Маруся. – Эх, говорила я Зинке-покойнице, не выйдет из него толку.

– Зинке? – рассеянно переспросила Сашка, поглядывая на часы – половина одиннадцатого. Сейчас быстро в деканат, сдать документы, узнать расписание консультаций, и на Театральную, к кассам. Концерт только через три дня, но вдруг билетов уже не осталось? Да и надёжнее, когда заветный кусок картона лежит у тебя в кармане.

– Бабке твоей, Зинаиде Петровне. Ты что же, совсем родни своей не знаешь? Вот молодёжь пошла!

Сашка, конечно, догадывалась, что где-то, абстрактно, должны были существовать бабушки и дедушки. Но про своих не знала решительно ничего, кроме того, что отцовские родители давно умерли, а мамы остались где-то под Ейском. Где этот Ейск находится Сашка даже не подозревала. Да и не сильно хотела. Если они никогда не интересовались внучкой, почему она должна была интересоваться ими?

Тётя Маша тем временем ушла на кухню и гремела оттуда чашками. Только бы за стол не усадила, с тоской подумала Сашка. Начнётся душевная беседа с перечислением всех родственников, полдня потеряешь. А у неё дни и так наперечёт. Сашка подхватила свой рюкзак, надвинула кепку на лоб и решительно направилась в прихожую, где остались её кеды. В крайнем случае скажет, что документы принимают только до обеда, и надо спешить. Но тётя Маша её не окликнула, пить чай не позвала. И прекрасно!

До института имени Сеченова добралась быстро. И напрасно мама пугала дикими расстояниями Москвы и запутанными улицами. Сашка сразу поняла, главное – спуститься в метро. А уж там всё просто и понятно, читай да езжай. Метро ей невероятно нравилось! И такие разные станции, которые она норовила рассмотреть на каждой остановке, и неторопливые эскалаторы, и даже грязноватые вагоны нравились. И люди, уткнувшиеся в книги и газеты, нравились. Мама говорила остерегаться москвичей.

– Ничего хорошего от них не жди! – поучала она Сашку перед отъездом. – У них в глазах только доллары!

Какая глупость! Никогда она в это не поверит, потому что знает одного самого настоящего москвича. Который сейчас (от одной мысли дух захватывает!) может быть идёт где-нибудь по соседней улице. И так же, как Сашка, ёжится от неприятного холодного ветерка и озабоченно поглядывает на небо – не начнётся ли дождь? Надо было зонтик взять. Они в одном городе с Всеволодом Алексеевичем! Это потрясающе!

А уж когда на горизонте показалось песочного цвета здание с белыми колоннами, у Сашки и вовсе закружилась голова. Альма матер! И сейчас она в первый раз поднимется по ступенькам, откроет тяжёлую деревянную дверь, пройдёт по коридору. А потом будет ходить по ним шесть счастливых лет. Шесть лет в Москве! И профессия её мечты.

Вопрос, в какой медицинский поступать, для Сашки даже не стоял. Только Сеченова. Тот самый, который заканчивал Алексей Алексеевич. Отец Туманова. Он умер давно, ещё до Сашкиного рождения, погиб в Афганистане, где работал военным хирургом. Но Всеволод Алексеевич всегда с трепетом о нём рассказывал. О матери – ни слова, как будто её и не существовало, а об отце – много и с удовольствием. По словам Всеволода Алексеевича, врач был от бога. Так что Сашке и решать ничего не пришлось. Только Первый медицинский.

Прежде, чем нашла приёмную комиссию, поплутала по коридорам, несколько раз сворачивая не туда. Но спросить дорогу не решалась – если мимо и пробежали студенты, то вид имели такой деловой, не подступишься. И все в белых халатах, некоторые даже в шапочках! Она тоже будет носить белый халат, с самого первого курса! Как настоящий врач!

Сашка поняла, что снова свернула не туда, когда упёрлась в тупик, заканчивающийся мужским туалетом. Неожиданно дверь туалета открылась и из неё вынырнул дядька лет пятидесяти. Низкий, с животиком, и тоже в белом халате. Сашка озадаченно на него посмотрела. Разве в туалет ходят в халате?

– Заблудились, барышня? – улыбнулся дядька и протянул ей руку.

И руки женщинам нежимают. Разве что целуют, иногда. И рука у него сухая. А должна быть влажной, если он не забыл её помыть.

– Приёмную комиссию ищите?

Сашка кивнула. Легко догадаться по бумажкам, которые она держала, и по растерянному виду тоже.

– Первый поворот направо. Пойдёмте, я вас провожу, нам как раз по пути. Так вы точно не заблудитесь, а я ещё несколько минут полюбуюсь вашими горящими глазами. О, как мне знаком этот взгляд! Все абитуриенты мечтают спасти жизни людей, излечивая их от самых страшных болезней. Первокурсники хотят открыть лекарство от рака. На третьем курсе они уже думают только о том, как бы сдать фармакологию с первого раза. На пятом анализируют, в какой больнице больше платят. А потом идут в интернатуру и устраиваются на полставки фельдшером самой захудалой подстанции. Так что, милая барышня, постарайтесь сохранять энтузиазм подольше! Помните, мы не деньги зарабатываем, мы спасаем жизни и здоровье людей!

Сашка молча смотрела на странного дяденьку, не забывая шагать за ним по коридору. Деньги её совершенно не интересовали. Жизни и здоровье людей вообще – тоже. Её волновала одна конкретная жизнь. И здоровье одного конкретного человека. И ради их сохранения она готова учить фармакологию и анатомию, вскрывать трупы и резать лягушек. Чем там ещё пугают первокурсников? Готова даже терпеть прикосновения не вымытых после туалета рук к её плечу.

Дядька довёл её до нужной двери. Сашка ожидала, что члены приёмной комиссии начнут задавать ей вопросы – кто, откуда, почему хочет стать врачом. Но у неё просто молча забрали документы и сунули маленькую бумажку с отпечатанным текстом, когда, во сколько и в какой аудитории консультации и экзамены. Сашка только плечами пожала. Отлично, она тоже не любила лишних разговоров.

Из института уходить не хотелось. Она бы с большим удовольствием погуляла по его коридорам ещё, представляя себя студенткой. Но в кармане лежала заветная тысяча, которой давно следовало превратиться в билет. А вдруг все места уже распроданы? Всё-таки Туманов, не какая-нибудь группа поющих трусов. Правда, и концерт в «России», там две с половиной тысячи мест.

– На Туманова? Только балкон остался, девушка, – равнодушно бросила ей кассирша. – Семьсот рублей.

Сашка протянула тысячу. Балкон – это плохо. Ни черта не увидишь. Конечно, она не мечтала о первом ряде, дураку понятно, что первый ряд продаётся сразу. А может быть, и вообще не продаётся, заранее бронируется под приглашённых. Но она надеялась хотя бы на пятый или седьмой. Что увидишь с балкона? Его силуэт?

И тут же себя одёрнула. Какая разница? Настоящий «живой» концерт! В Москве! А сколько ещё таких концертов будет впереди! У неё шесть лет в запасе! А потом интернатура, ординатура, и вообще, кто сказал, что она вернётся в Мытищи? Успеет ещё и на первом ряду посидеть. Начинать надо с малого.

Да и трёхсот рублей сдачи хватит на шикарный букет. Вот только не понятно, как с балкона передать ему цветы? Не швырять же под ноги. Ладно, разберёмся.

За спиной у тётки видели афиши тех концертов, на которые она продавала билеты. В том числе портрет Туманова. Всеволод Алексеевич стоял, заложив руки за спину, без пиджака, в малиновом жилете с золотыми разводами. Гораздо моложе себя настоящего, фотографию явно делали давно. Попросить бы, вдруг отдаст? Такого плаката в Сашкиной коллекции не было. Впрочем, и коллекция осталась дома. Куда она сейчас принесёт такого красавца? На балкон тётки Маруси? Сашка ещё помялась возле окошка и ушла, ругая себя за дикость. Вот почему у одних язык без костей и подвешен тем самым местом? А для неё попросить что-нибудь, да ещё и у незнакомого человека – трагедия.

– Девушка, а штрудель у вас тут подают? Нет, а с вишней? В яблочный ваш повар положит варенье или, того хуже, цукаты, и всё испортит. Вишнёвый испортить сложнее. Только, умоляю вас, без фундука. Передайте повару, если нет грецких орехов, то пусть никакие не кладёт. И шарик мороженого сверху, ванильного. Благодарю вас.

Что вы так смотрите? Считаете, я перегибаю палку? Поверьте, меньше всего мне хотелось загонять официантку. Но она сама предложила выбрать десерт. А я просто знаю, что хочу получить, и не собираюсь платить за то, что мне не понравится. О, вы бы хоть раз посидели за одним столом с Всеволодом Алексеевичем, вы бы узнали, что значит третиловать обслуживающий персонал. Не верите? Вы не видели, как он по три раза заставлял официанта менять салфетки, потому что они недостаточно белые. А если стейк пережаривали больше, чем он любит, мог швырнуть тарелку на пол. Не увязывается с образом обаятельного ловеласа, правда? И не должно, потому что такой Туманов – не для посторонних глаз, только для своих.

Вот это настоящие капризы. А у меня так, целеустремлённость, ставшая привычкой, которая проявляется даже в мелочах. Мы все были такими. Нам пришлось научиться ловить удачу за хвост. Зубами, как стаффорд. Вы любите собак? Я обожаю, всех, без исключения. Видели когда-нибудь, как стаффордширский терьер хватается добычу, будь то брошенная хозяином палка, зазевавшаяся курица или чья-то рука? Он ни за что не расцепит челюсти, пока сам не захочет. Вот такими же нам пришлось стать. Меня часто спрашивают, в чём секрет? Тренинги? Американские книжки по личностному росту? Самодисциплина? Бред! Мы просто знали, что наше время ограничено изначально. Когда тебе пятнадцать, двадцать, даже тридцать, кажется, что вся жизнь впереди. Что можно валять дурака, делать ошибки, времени-то впереди полно. Не поступила в институт, завалила сессию, осталась на второй год – ерунда, со всеми случается. Родила по залёту, вышла замуж по нему же, поссорились и разбежались – подумаешь, другой найдётся, ещё лучше. Выгнали с работы – плевать, можно устроиться на следующую. Так ведь рассуждает молодёжь. А мы так не могли, потому что изначально понимали, второго шанса не будет, переписать набело мы не успеем. Нам было не по пятнадцать и не по двадцать, нам сразу было по пятьдесят шесть. И нетрудно подсчитать, что впереди в лучшем случае – два-три десятка лет. Всего-навсего. А вменяемых из них и того меньше.

Вы уже догадались, да, что Сашка поступила в свой медицинский? На бюджет, разумеется, её родители бы не стали платить за учёбу, и она это прекрасно понимала. Готовилась чуть не круглые сутки, но сдала все экзамены, как ей казалось, на отлично, а когда в фойе института вывесили списки, чуть не схватила удар, пока нашла свою фамилию – та оказалась в самом конце. Для Сашки так и осталось тайной, какие ошибки она могла наделать в задачах по физике, да и на устном экзамене, на биологии, ей не задали ни одного уточняющего вопроса, только радостно кивали бойко отвечающей девушке. Но времена-то какие были, вспомните? Всё за деньги делалось, везде. В общем, Сашка сама потом удивлялась, как проскочила «на шару», но факт остаётся фактом – её зачислили на лечебный факультет. Дали комнату в общежитии шириной ровно в одну кровать, тумбочка уже стояла боком. Тогда же она первый раз попала на концерт Туманова. Вы представляете, что такое первый концерт? Да нет, конечно, откуда.

Цветы Сашка покупать не стала, поняла, что с балкона никак их не передаст. А если быть до конца честной, она бы их не купила, даже если бы сидела в партере. Цветы обязывают тебя подниматься на сцену. Вместо того, чтобы наслаждаться выступлением любимого артиста, придётся всё время сидеть как на иголках, ожидая подходящего момента. Зато Сашка купила себе новую рубашку, в которой и планировала пойти на концерт. И потом, когда начнётся учёба, пригодится. Старую можно было надевать только под пиджак – рукава

протёрлись на локтях. Дома, в Мытищах, Сашкин шкаф не закрывался от набитых на полки вещей, но носить она могла всего несколько маек и пару кофт. Всё остальное было либо не её размера, либо совершенно диких расцветок. Мама никогда не ходила с ней по магазинам, всегда покупала одежду сама. Сначала привозила из турецких вояжей, потом выбирала на рынке, где у неё осталось множество знакомых. Единственный раз она угадала и с цветом, и с размером, когда принесла эту рубашку. Что привлекло маму в серо-стальной, классического покроя, почти мужской вещи, так и осталось для Сашки тайной, но факт в том, что почти такая же была у Всеволода Алексеевича. Нет, наверняка не такая, гораздо дороже, лучше, у неё не протирались рукава на локтях. Но Сашке хотелось верить, что такая же, и из рубашки она не вылезала.

Теперь же вот купила замену. Тоже строгий фасон, отложной воротник, сошла бы за мужскую, если бы не выточка для груди. Белая, чтобы и на учёбу носить. Тётя Маруся помогла наутюжить. Как только стало известно, что Сашка поступила в институт и получит комнату в общежитии, тётка резко подобрела, даже перестала считать куски в холодильнике.

– Врач – хорошая профессия, денежная, – приговаривала она, колдуя с утюгом. – Молодец, дочка. Ты ко мне забегай, забегай после учёбы. Чайку попьем, поговорим. Одной-то в Москве несладко.

Сашка только улыбалась мечтательно, прихлёбывая горячий чай. В Москве она точно не одна. Наверное, ни в одном городе мира ей не могло быть так уютно, как здесь. Осталось как-нибудь пережить два летних месяца в Мытищах.

– Так на чей концерт ты собралась?

– Туманова, – Сашка на радостях даже бдительность потеряла, решила, что теперь, когда она поступила, можно не таиться.

– На чей? Он что, ещё жив?

Сашка аж подавилась.

– Кто?! Всеволод Алексеевич? Конечно, жив! Афиши по всей Москве висят!

– Ой, ну да, прости, я его всё время со вторым путаю, высоким таким, тёмненьким. Тоже про партию раньше пел.

– И Рубинский жив вообще-то, – пробормотала Сашка, поняв, о ком идёт речь. – По стране сейчас гастрольюлет, со сценой прощается.

– Так и что ты нашла в этом Туманове? Что, сходить больше не на кого? В твоём возрасте по дискотекам надо скакать. Под этих, как их? «Белок»?

– «Стрелок». Я другую музыку люблю, тётя Маруся. Чтобы с вокалом нормальным!

– Да какой вокал! Туманов давно уже козлитонем поёт, дыхалка ни к чёрту. Вот в моей молодости у него голосище был! Я помню, как он в Колонном зале пел, без микрофона. Люстры дрожали! А сейчас что? Слушать же невозможно. И песни все на два аккорда, тьфу! На вот свою рубашку, готова.

Сашка чуть не выхватила наутюженную рубашку и побыстрее ушла на свой балкон. Сама виновата, нечего рот открывать. И не будешь же доказывать тёте Марусе, что глупо сравнивать Туманова, да просто любого вокалиста с ним же самым двадцать лет назад. Естественное старение голоса никто не отменял. А Сашке было не так уж важно, берёт он верхнее «ля» или нет, хорошим музыкальным слухом она похвастаться не могла. Ей важно было просто слышать его голос. Знакомые интонации, привычный тембр, от которого по коже бегут мурашки, а в душе что-то переворачивается, и делается тепло-тепло. Вот, что самое главное.

К «России» она шла, как иные идут к храму, замирая от предвкушения, рассматривая прохожих, вглядываясь в лица. Ей казалось, что все, вся Москва, как минимум, должны готовиться к торжественному событию, разделять её трепет. Но на деле оказалось иначе. Моросил дождик, и возле концертного зала никто не задерживался, люди старались как можно скорее оказаться внутри. Многие пришли на концерт сразу после работы и, предъявив билет

контролёру, тут же разбредались, кто в буфет, кто в туалетную комнату. Концерт был даже не юбилейным, просто рядовое выступление артиста в городе, где сотни площадок, и на каждой кто-нибудь то поёт, то пляшет. Но для Сашки всё происходило в первый раз, а потому казалось особенно удивительным.

Подумать только, две с половиной тысячи человек пришли послушать Всеволода Алексеевича! Две с половиной тысячи таких же, как она! У Сашки, уже привыкшей быть белой вороной среди поклонников «Белок», «Стрелок» и прочих поп-идолов, это просто в голове не укладывалось. Но чем больше она смотрела по сторонам, тем больше понимала, что среди собравшихся в фойе, спешащих из буфета в зал со стаканчиком кофе в руках, дожёвывающих на ходу бутерброд, шумно рассаживающихся по местам людей таких, как она, нет. Прежде всего, по возрасту, – Сашка тщетно пыталась найти своих ровесников. Пару раз замечала в толпе молодые лица, но потом неизменно оказывалось, что девушка или даже молодой человек всего лишь сопровождают бабушку, которая, судя по трясущейся голове и шаркающей походке, одна на концерт сходить уже не может. В основном же зал наполняли сорока-пятидесятилетние, и ни у кого в глазах Сашка не находила отражение того, что так хотела увидеть. Никто не пришёл сюда из-за Всеволода Алексеевича. Все пришли просто на концерт.

Рядом с Сашкой уселась пожилая семейная пара. Женщина тут же приложила к глазам миниатюрный бинокль, хотя рассматривать пока ещё было нечего – сцену закрывал занавес. Минутой позже Сашка поняла, что она рассматривает зал.

– А свободных мест-то многовато, – обратилась женщина к мужу. – Я же говорила, не соберёт он «Россию». Вот если бы юбилей был, то да. А просто сольный концерт – кому это надо?

– Не просто сольный, ты же смотрела афишу, – поправил мужчина. – Русским языком написано «Туманов и его друзья». Девушка, вы не знаете, а Примадонна будет?

Сашка вздрогнула, поняв, что обращаются к ней. Откуда ей знать? Она вообще приписку про «друзей» на афише не заметила.

– Вряд ли, – Сашка нервно одёрнула рукава рубашки. – Они с Примадонной не дружат.

– Жаль, – дядька искренне расстроился. – Вот что за манера не указывать всех участников концерта? Ну хоть Киркоров-то должен быть!

От этого имени Сашку начинало трясти ещё со времён первой встречи в Мытищах. Сразу вспомнилась напираящая со всех сторон толпа и голос Туманова над ней, спокойный, уверенный.

– Рубинский точно будет, – сообщила она любопытному соседу, надеясь, что он, наконец, замолчит.

– Ну... Этого я сто раз видел! Он у нас на заводе выступал недавно, бесплатно!

– А вы что, увиденных артистов коллекционируете?

Прозвучало резче, чем хотелось бы. Вечная её проблема, всё общение Сашки с чужими строится на крайностях – она либо молчит, боясь слово вставить, либо, поборов смущение, сразу скатывается в хамство. Зато дядька отстал, повернулся к жене, принялся что-то выяснять у неё, Сашка уже не слушала. Какая разница, кто ещё выступит на концерте? Чем меньше «друзей», тем лучше – больше времени достанется Всеволоду Алексеевичу.

Как он там сейчас, интересно? Что делает? Нервничает, наверное. Ходит взад-вперёд за кулисами, посматривает в зал, много ли свободных мест осталось. Для него это важно. А может быть, распевается? Или он ещё в своей гримборной, облачается в костюм? Завязывает бабочку, поправляет пиджак, смотрит на отражение в зеркале, улыбается ему, чтобы настроиться. Вот бы хоть раз, хоть на секунду попасть туда, в волшебное закулирье! Увидеть всё, что предшествует появлению артиста на сцене!

Пока Сашка мечтала, дали третий звонок, а ещё через несколько минут занавес пополз в стороны, заиграла музыка, неожиданно громкая и неожиданно сочная. На площади в Мытищах звук рассеивался и был совсем другим. Ну а с наушниками её плеера даже сравнивать глупо. Здесь же казалось, что бессмертная «Встречай друзей, Москва», которой Всеволод Алексеевич всегда начинает концерты, звучит со всех сторон сразу. А потом к мелодии добавился голос, Туманов вышел, нет, выплыл на сцену. Ослепительная улыбка, горящие глаза, руки распахнуты в приветственном жесте, словно он хочет обнять весь зал. И Сашка забыла, в какой реальности она находится. Началась сказка.

Она почти лежала на балконных перилах. Не потому, что плохо видела, нет, даже без бинокля она могла прекрасно рассмотреть и выражение его лица, и цвет платочка в кармане пиджака, и даже блеск обручального кольца на пальце. Ей хотелось быть как можно ближе к артисту, чувствовать его энергетику, не пропустить ни одной секунды из тех двух часов, которые длился концерт.

Из зала Сашка выходила одной из последних, пропуская вперёд себя всех, кто торопился на метро или просто домой. Ей спешить было некуда, тётя Маруся давно забыла про объявленный комендантский час, да и время совсем детское, на улице светло как днём. Сашка постояла бы ещё в опустевшем зале, но хмурая билетёрша у дверей так посмотрела на неё, что пришлось выходить. Некоторая часть зрителей устремилась к служебной двери. Сашка догадалась, зачем – ловить уезжающих артистов. Скорее всего, даже не Туманова, а «друзей». Ну и Всеволода Алексеевича тоже, наверное, «для коллекции». Автограф взять, просто поглядеть на звезду без грима. Сашка с ними не пошла. Во-первых, точно знала, что не сможет сказать Всеволоду Алексеевичу ни слова, уж тем более попросить автограф. Эх, сюда бы бойкую Адельку, вот она бы смогла. Да что там, она бы не постеснялась ещё поставить Туманова в удобную позу для снимка и заставила улыбаться. Во-вторых, Сашке хотелось, как можно скорее, отделиться от толпы, чтобы не слышать, волей-неволей, обрывки разговоров. Потому что говорили исключительно о концерте, о том, сколько песен спел Туманов, как звучит его голос, сколько артистов пришло к нему в гости, оправдал ли концерт ожидания. Мнения были разные, но каждый находил, что покритиковать. А Сашке очень хотелось сохранить то волшебное ощущение идеального праздника, которое осталось в душе.

Как жаль, что наши чувства нельзя зафиксировать. Нет, как на видеомэгнитофоне, красной кнопки записи, которая сохранит концерт на кассету и позволит смотреть снова и снова. И даже если в зале шла съёмка, и потом будет телевизионная трансляция, всё это уже не то. На записи не будет живого, настоящего Всеволода Алексеевича. Его обаяния, его тепла. И того замирания сердца от звука его голоса уже не будет. Сашка видела, что кто-то из зрителей щёлкал фотоаппаратом, в зале то и дело мелькали вспышки. Она ещё запоздало подумала, что надо было взять у Адельки её фотоаппарат. Но что ты сфотографируешь с балкона? И фотографии тоже не заменят живую встречу.

В метро вместе со всеми она не нырнула, пошла пешком. Дождик давно закончился, даже тучи разошлись, и в просвет между ними нет-нет, да и выглядывало солнце. В воздухе пахло клубникой. Или клубничной жвачкой? Станный какой запах. А может, это духи вон той женщины в красном платье и смешной шляпке с лентой, только что обогнавшей Сашку? И вообще, если учесть, что она шла вдоль дороги, воздух должен был пахнуть выхлопными газами. Но для Сашки он пах именно клубникой. Москва казалась самым тёплым и гостеприимным городом на земле. Городом, где живёт Всеволод Алексеевич. Где он даёт концерты. Где исполняются мечты.

На следующий день Сашка вернулась в Мытищи. Победительницей, уже почти студенткой Первого меда, с кучей впечатлений, наконец-то собственных, а не Аделькиных, пересказанных, о столице. Какие-то, те, что касались вчерашнего концерта, она хотела бы

оставить себе. Но остальными, об институте, об экзаменах, о тётке Марусе, о городе, почему бы не поделиться? Но делиться оказалось не с кем. Войдя в квартиру, она нос к носу столкнулась с матерью, подводившей губы перед зеркалом в прихожей. Сюрприза, конечно, бы не получилось, она несколько раз звонила домой от тёти Маруси. Но одно дело по телефону, а другое – личная встреча! Всё-таки событие, дочь в институт поступила! На бюджет! По такому поводу можно и шампанское открыть, и соседей позвать. И торт купить, Сашка жутко соскучилась по сладкому – тётя Маруся мучилась диабетом, и у неё дома чай пили только с бутербродами.

Но ни возгласа «А вот и наша студентка!», ни чего-то в этом роде не последовало. Мать хмуро на неё взглянула, остановила взгляд на новой рубашке, хмыкнула.

– Явилась, москвичка. На плите суп стоит, куриный, ещё тёплый. Поешь, потом не забудь в холодильник убрать. Я на рынок. Вечером отец из рейса приедет, надо мяса нажарить. Кстати, почисти картошку, порежь и залей водой, на гарнир.

– Ты меня даже не поздравил? – Сашка привалилась к косяку, кинула рюкзак на пол.

– С чем? С тем, что ты теперь пять лет станешь деньги из семьи тянуть? На жильё, на питание, на то, на сё. Шмотки вот себе уже, смотрю, прикупила!

– У меня стипендия будет.

– Да конечно! И на много тебе её хватит? Дня на три?

– И комнату мне в общежитии дали!

– Ну хоть что-то! Значит, за лето разбери своё барахло, всё ненужное выброси, нужное с собой заберёшь. А мы из твоей конуры спальню сделаем, не вечно же нам с отцом в зале ютиться. Будет нормальная гостиная, как в приличных домах.

Мама закрыла за собой дверь, ключ повернулся в замке. А Сашка осталась стоять в полутёмной прихожей. Ну здравствуй, милый дом.

Глава 2. Нурай

На самом деле её, конечно, не Нюркой зовут. Нурай. Лунный свет, если на наш переводить. Но она всегда представлялась Нюркой и даже на Аню откликалась. Да и внешне вполне себе Аня: волосы русые, глаза голубые, хоть и с чуть-чуть восточным разрезом. У неё дедушка, по маминной линии, наполовину азербайджанцем был, он её и назвал Нурай. Нурай Владимировна, нарочно не придумаешь. Тогда, до развала Союза, в Баку все дружно жили: азербайджанцы, русские, армяне. И смешанные семьи встречались. Это сейчас... А, ладно. Зато город потрясающий, особенно старая его часть. Мощёные камнем улочки, где за каждым поворотом или торгуют коврами, или пьют чай. Вы представляете, в Баку даже молодёжь вечерами пьёт чай! Не энергетики и пиво, как у нас. Красивый, интеллигентный город, он завоевал моё сердце с первой встречи. А Нюрка его не любила, хотя провела в нём всё детство. Впрочем, её нельзя осуждать, у туристов и местных жителей взгляд на одни и те же вещи совершенно разный. Одно дело, когда ты приезжаешь в новый город за впечатлениями, у тебя забронирован номер в гостинице, а в кошельке тугая пачка денег, которые ты собираешься спустить на местные развлечения. И совсем другое, когда ты заперт в городе как в капкане. Меняешь грязное постельное бельё и моешь полы в той самой гостинице и не можешь потратить пары лишних манат на свои желания. А Баку, скажу я вам, очень дорогой город.

Возможно, я ищу ей оправдания, хотя Нюрка в них не нуждается. Ни в оправданиях, ни в сочувствии, ни в жалости. Ни тогда, ни сейчас. Она всегда улыбается, всегда! Негатива для неё не существует! В этом она очень похожа на Всеволода Алексеевича в молодости. Он лет до пятидесяти был уверен, что судьба приготовила для него только приятные сюрпризы, и так оно и получалось: выигранные музыкальные конкурсы, тёплое место солиста Гостелерадио, гастроли по стране, стадионы, анилаги, толпы поклонниц, носящих его на руках в переносном и даже прямом смысле, звания и правительственные награды, песни лучших советских композиторов, пластинки с миллионными тиражами. А если случалась какая-нибудь пакость, скажем, песню не пропускала цензура или в очередном городе его селили в неотопливаемую гостиницу посреди зимы, то он просто не обращал внимания на такие мелочи. Записывал новую песню, ложился спать под двумя одеялами. Вот только у Всеволода Алексеевича была искренняя убеждённость в собственной счастливой звезде. А Нюрка создала её сама. Это её маска, её способ выжить и не сойти с ума. Не уверена, что действенный.

В обеденный перерыв она всегда норовила улизнуть на улицу. Уж лучше съесть свой бутерброд на скамейке под большим деревом на заднем дворе гостиницы, чем сидеть вместе со всеми в комнате отдыха и обсуждать последние сплетни. У девчонок только и разговоров, что о тряпках и свадьбах: тех, которые недавно были и тех, которые сейчас планируются. Создавалось ощущение, что свадьба – самое главное событие в жизни любой местной девушки, будто вместе с ней заканчивается всё интересное. Никто не говорил о том, что следует после: о семье, о детях, об отношениях с мужчиной. Впрочем, замужних в их коллективе и не было. Эльмиру уже сосватали, и теперь обе семьи тщательно готовили торжество, которое должно было состояться аж следующей весной. А Гюнель только недавно исполнилось восемнадцать. Нюрке, в её двадцать три, давно пора было быть замужем, но именно её эта тема не только не интересовала, а ещё и раздражала. Сколько гостей приглашать, тысячу или полторы? Лучше полторы, конечно, чем больше, тем лучше. Во что одеть подружек невесты? Сейчас модно одевать всех в один цвет. Сколько горячих блюд подавать на стол? Пять

или шесть? У Алиевых, говорят, было восемь. Восемь блюд, вы подумайте! А ещё говорят, на столе через каждые полметра лежало по запечённому барану! Настоящая свадьба!

У Нюрки голова начинала болеть от этих разговоров, одних и тех же, изо дня в день. Хорошо хоть обеденный перерыв у них короткий, всего полчаса, не придётся долго торчать на улице.

Она доела свой бутерброд с сыром, стряхнула крошки на землю. Забежать бы в комнату отдыха, глотнуть чайку. А потом на третий этаж, администратор Захра сказала, из триста первого номера после двенадцати выезжают, а в два уже заселяются новые гости. Нужно быстро всё убрать. И не наделать ошибок, Захра обещала лично номер проверить. Злая она на Нюрку со вчерашнего дня. И угораздило же Нурай не закрыть дверь в номер, когда постель перестилала. Подумаешь, коленом наступила на уже застеленный матрас. А как иначе дотянуться до противоположного края, кровать-то двухспальная, широченная! Ну да, можно обойти. Подумаешь! А Захра сразу крик подняла, обещала премии лишить и «колготочные» урезать. В их гостинице горничным выдавали отдельные деньги на колготки, чтобы девушки каждый день приходили в новой паре! Отель пять звёзд, международный стандарт! Все, конечно, хитрили, носили одни и те же по два-три дня, а Нюрка так вообще стирать умудрялась. Ну не могла она выкинуть в мусорку совершенно новую, один раз одёванную пару колготок! А сэкономленные деньги оставляла себе. Фактически, только их себе и оставляла. И Захра, кажется, догадывалась о её махинациях. Так что не стоит её злить, лучше убрать номер как можно тщательнее.

Да, решено, пара глотков чая, и она приступит к уборке! Нюрка шмыгнула назад, в гостиницу. Дядя Азад, охранник на чёрном входе, приветливо кивнул. Только заступил на смену. Нюрка ему улыбнулась, помахала рукой. Дядя Азад хороший, не то, что Ильнур, молодой охранник. Тот всё время норовит поддеть Нюрку, по двадцать раз за день пропуск требует, как будто не знает её в лицо. И на свидание зовёт, чаю попить в дорогом кафе у Девичьей башни. Нужен он ей, вместе с его чаем. И даже вместе с самым вкусным вареньем из белой черешни, которое подают в этом кафе.

Она едва успела свернуть в коридор, ведущий к комнате для персонала, как раздался дикий вой. Нюрка не сразу поняла, что надрыгается пожарная сирена. Никогда она раньше не срабатывала! А в следующую минуту заметила дым, валивший как раз с той стороны, куда она направлялась. Навстречу ей уже бежали перепуганные девчонки.

– Горим! Горим! Вызывайте пожарных!

– Кто горит? Где горит? – Нюрка едва успела поймать за рукав Гюнель. – Что случилось?

– Подсобка наша горит! Проводку закоротило, от чайника, наверное! Ой, что будет-то! Пошли, скорее! Скажем, что нас там не было!

– Меня там и не было, – заметила Нюрка, однако поспешила вместе со всеми подальше от опасного места.

Чайник давно собирался сгореть. Старый, ещё советский, с державшейся на честном слове вилкой и постоянно искрящийся, он явно просился на свалку. Но выкинуть-то легко, а в чём воду кипятить? Администрация новый покупать не планировала. В коридоре кулер стоит, вот оттуда и пейте. А что за вода в кулере? Вечно чуть тёплая. Вот и доигрались. Но кто думал, что от него проводку закоротит?

Отовсюду уже бежали постояльцы, перепуганные сиреной, по фойе бестолково метались охранники, не зная, что предпринять. Захра кричала что-то в телефонную трубку по-азербайджански. То ли пожарных вызвала, то ли управляющего отеля.

Нюрка уже хотела было вместе со всеми выбежать на улицу, но вдруг остановилась как вкопанная. Куртка! Её куртка осталась в комнате отдыха! А в кармане куртки... Он же сгорит!

Не думая больше ни о чём, она метнулась обратно. Бежать против толпы оказалось трудно, но рост выручал. Иногда даже хорошо быть двухметровой шпалой, хотя в большинстве случаев обидно.

Пожарные ещё не приехали, но возле двери в комнату для персонала, из-за которой валил дым, стоял дядя Азад.

– А ты чего тут делаешь? А ну-ка марш на улицу! – закричал он, заметив Нюрку.

– Мне внутрь надо, дядя Азад!

– Куда внутрь? С ума сошла? Там горит всё!

– На секунду, дядя Азад! Только куртку забрать!

– Да сгорела куртка давно! Беги отсюда! Вот сумасшедшая девчонка! Куртка! Молись Аллаху, чтобы огонь дальше не перекинулся.

Дядя Азад стоял перед дверью как скала, а время, драгоценное время, шло. Может, именно в эту секунду огонь подбирается к её куртке! Где могло загореться? Там, где стоял чайник? Так куртка висела на вешалке, на противоположной стене. Как раз рядом с выходом. Заскочить, схватить куртку и тут же обратно!

– Азад! Азад, старая лиса, у тебя ключи от ворот? – к ним бежала Захра. – Давай скорее, открывай! Пожарники приехали!

На Нюрку та даже внимания не обратила. Дядя Азад поспешил за администраторшей, открывать ворота пожарным. А Нюрка, пользуясь моментом, рванула дверь. Глаза защипало от дыма, дышать в одно мгновение стало невозможно, а в лицо дохнуло жаром. Пахло палёной пластмассой, но огня не было видно. Впрочем, не было видно ничего вообще. Облицованные панелями стены в комнате для персонала не горели, а плавились изнутри. Нюрка почти вслепую шарилась руками по горячим панелям, пытаясь найти вешалку. Вот она! И куртка. Кажется, цела.

Она выскочила наружу, кашляя, задыхаясь. Забыла захлопнуть за собой дверь, но по коридору уже бежали пожарные, разворачивая на бегу шланги. А Нюрка судорожно перетряхивала карманы закоптившейся, ставшей из кремовой почти чёрной куртки. Да где же он? Вывалился телефон, старая Нокia, неубиваемый кирпич. Спорить можно, такая не сгорит. Паспорт, кошелек. Пустой, даже если бы и сгорел, не жалко. Ключи от дома. Где же, где? Вот! Дрожащими руками Нюрка вытащила платок. Обычный мужской платок, синий, с римским узором по краю. Европейский, местные мужчины пользуются платками с бута, национальным рисунком, похожим на изогнутые капельки. Платок был абсолютно цел и даже не подкоптился. Нюрка сжимала в руках платок, но ей и в голову не приходило вытереть им слёзы, бегущие по щекам.

Нет, слёзы она вытерла рукавом. А платок бережно сложила в четыре раза и спрятала туда, куда испокон веков женщины прячут всё, что слишком ценно, чтобы носить в карманах или сумочке. Постояла ещё немного в коридоре, посмотрела, как пожарные заливают водой их теперь уже бывшую комнату. Интересно, им дадут новую? Или администрация вообще всех уволит, узнав про чайник?

О том, что произойдёт, если её уволят, даже думать не хотелось. Нет, только не её. Все же знают, что Нюрка обедает на улице. И дядя Азад видел, как она шла со двора перед тем, как сработала сирена. А Эльмиру и Гюнель пускай увольняют, жалко, что ли? Может быть, новые девчонки, которые придут на их место, окажутся более интересными собеседниками?

На всякий случай Нюрка подошла к Захре, узнать, что ей делать. Но та только замахала руками – иди, мол, домой, не до тебя. Всё равно никто сегодня заселяться не будет, гостиницу закроют на несколько дней. Нюрка окончательно повеселела. Полдня свободных!

Домой она, конечно, не пошла. Мама ждала её только к вечеру. И маме совсем не обязательно знать про пожар и внеплановый выходной. Можно гулять по городу сколько влезет.

Нюрке очень нравилось просто гулять – разглядывать прохожих, сидеть на лавочке в Нагорном парке и смотреть на море, бродить по улочкам Ичери Шехера и воображать себя Шамаханской царицей, обходящей свои владения. Отличное это развлечение, гулять. А главное, что бесплатное.

Сегодня её потянуло к морю. По случаю ветреной погоды и середины рабочего дня народу тут почти не было, поэтому, не опасаясь посторонних глаз, Нюрка села на парапет и вытащила платок. Ещё раз тщательно его осмотрела. Целёхонек. Прижала к лицу. Увы, платок пах дымом и палёной пластмассой. От запаха его одеколона давно не осталось и следа, всё-таки уже год как платок хранился у неё, а не у настоящего владельца. Но иногда Нюрке казалось, что она улавливает слабый-слабый след того аромата. Она потом перенюхала всю парфюмерию в мужском отделе самого большого магазина косметики, но не нашла ничего даже приблизительно похожего. Так и не узнала, что у него за одеколон.

Но главное, от платка шло его тепло. До сих пор. Его вещь. Глупо, конечно. Он, наверное, ни разу им не пользовался. Да у него, может, миллион таких, на один раз. Может быть, Зарина распихивает ему по карманам эти платки, чтобы рукавом нос не вытер где-нибудь на камеру. Плевать. Нюрка предпочитала думать, что платок особенный. Просто потому, что был в его руках.

Странное дело, тот март прошлого года ей следовало бы забыть, просто стереть из памяти. Но кроме всего плохого в том марте была встреча с Всеволодом Алексеевичем. Её Нюрка точно не хотела забывать. Напротив, она помнила каждую секунду того волшебного вечера.

Всё произошло в коридоре пятого этажа гостиницы, где и сегодня она работала. На пятом этаже люксы, их убирает Эльвира. Но Эльвира заболела, и на её участок поставили Нюрку. Поставили так поставили, ей тогда вообще плевать было на всё, что происходило во внешнем мире. Она автоматически пылесосила, передвигала мебель, вытирала пыль. Не девушка, а зомби из дешёвого ужастика. Стекланные глаза, механические движения. Утром одна мысль – надо встать и пойти на работу. На работе, после принятой таблетки, никаких мыслей совсем. Вечером дежурный разговор с мамой ни о чём, домашние заботы, ещё одна таблетка, и спать, спать, спать. Волшебные таблетки отключали сознание ровно на столько, чтобы не думать ни о чём лишнем. Только элементарные бытовые действия, только односложные ответы.

А в тот день она таблетку выпить забыла. Просто забыла. Зашла в очередной люкс, стала снимать постельное бельё. Откинула одеяло и увидела на простыне что-то длинное и красное. Машинально подобрала и завизжала. Использованный презерватив. Липкий и полный того самого... Опять оно... И тот же запах свернувшегося белка... Воспоминания накатили волной, все сразу. И лицо, угловатое, некрасивое, с юношескими прыщами. И прикосновения, холодные, грубые, чужие. И унижение, такое сильное, что на его фоне даже боль там, внизу, показалась второстепенной.

Она вылетела из номера, стекла по стене и заплакала. Сидела на корточках, обняв колени, и выла, раскачиваясь вперёд-назад. Чёрт знает, что он подумал, увидев горничную в таком виде. Мог бы и мимо пройти. А мог вообще на ресепшн позвонить и возмутиться. Пятизвёздочная гостиница! Каждый день новые колготки! А тут – истерика. Её бы не выгнали, конечно, вошли бы в положение. Захра-то знала, что с ней произошло. Но неприятности Нурай всё равно бы нажила.

Но Туманов на ресепшн жаловаться не пошёл. Остановился, протянул руку и легко, как котёнка, поднял её на ноги.

– Такая красивая девушка – и плачет, – проговорил он, и от одного только голоса у Нюрки внутри всё перевернулось. – Ну, кто обидел?

Он держал её за плечи, и разум Нурай кричал, что нужно бежать отсюда как можно скорее. Он мужчина. Он прикасается к ней. Он такой же, как все. А тело, которое должно было содрогаться от отвращения, плыло и таяло. Нюрка чувствовала, что теряет над ним контроль. Так хотелось прижаться к этому большому, сильному и надёжному человеку. И объяснить, почему она плачет. Как будто он мог всё исправить.

– Так кто тебя обидел? – допытывался Туманов.

– Ни-икто, – пробормотала Нюрка.

– Просто так плачешь? Рассказывай! Постояльцы раковину разбили, а на тебя теперь её вешают? Из номера деньги пропали? Или просто ноготь сломала? Какие там ещё у вас, девушек, беды случаются? Ну хватит уже реветь! Держи платок.

И вытащил платок из кармана, отдал ей. А в следующую секунду его окликнул какой-то лысый мужик.

– Всеволод Алексеевич, ну сколько тебя ждать? Выезжаем через пять минут! Опять к девушкам пристаёшь? Опоздаешь ты на концерт, друг мой.

– Ничего, без меня не начнут, – хмыкнул Туманов, однако заторопился. Потрепал Нюрку по плечу, подмигнул ей. – Мне пора. А ты не плачь, перемелется – мука будет.

И ушёл. Нюрка так и не успела ему рассказать, что с ней произошло. Да и не рассказала бы ни за что на свете.

– Почему так долго? Я есть хочу!

Мать стояла в прихожей. В одной руке держала эмалированную миску, в другой ложку, и стучала ложкой об миску, отбивая себе ритм: «Есть хо-чу! Есть хо-чу!».

– Сейчас, сейчас будем есть, – Нюрка отобрала у неё ложку. – Не стучи, пожалуйста, голова после работы чугунная.

На самом деле она прекрасно погуляла, прошла всю набережную из конца в конец, и до дома тоже добиралась пешком, проигнорировав автобус. Брела, не спеша, по улицам, сначала, в центре, чистым и красивым, выложенным плиткой, сверкающим витринами дорогих магазинов, потом узкими, грязноватыми, зато такими знакомыми, постепенно уходящими в гору. В итоге пришла на полчаса позже обычного.

– Пробки, мам, везде пробки!

Она уже привычно металась по их скромным тридцати квадратам, делая несколько дел сразу: кастрюлю с супом на плиту, чёрт, на один раз осталось, надо сегодня готовить, куртку в таз с порошком, пусть замачивается, коту корм насыпать, лоток ополоснуть. В комнате, служившей им и залом, и спальней, заметила рассыпанные по полу обрезки бумаги, схватилась за веник.

– Это что, мам?

– Я снежинки вырезала! Смотри, правда, красивые?

К оконному стеклу синей изолентой были прилеплены две кособокие снежинки.

– Новый год же скоро!

– Очень красиво, мам, – согласилась Нюрка, выметая обрезки. – Ты молодец! Иди, мой руки, сейчас будем кушать.

Через два дня заканчивался май. Впрочем, Нюрка давно ничему не удивлялась. Улыбаемся, улыбаемся, всё хорошо! У них всё всегда хорошо!

С улыбкой она разливала суп по мискам. Дюшбара, мамин любимый, с маленькими пельмешками. Готовить дюшбару Нюрку учила бабушка. Они вместе раскатывали тесто, тонкое-тонкое, почти прозрачное на свет. По преданию, такой суп варила девушка для семьи будущего жениха, чтобы показать, хорошая ли она хозяйка. Чем больше пельмешек умещалось на ложке, тем мастеровитее считалась невеста. Бабушкиных пельмешек на ложке умещалось двенадцать, Нюркиных только семь.

Бабушку Наурыз она вспоминала каждый день: когда чистила обувь перед выходом на улицу («лучше выйди в мятом платье, чем в грязной обуви!»), когда жарила кутабы («только на очень горячей сковороде, иначе сока не будет!»), когда шла мимо сквера, где бабушка с ней, маленькой, всегда гуляла. Бабушка научила её всему: читать и писать, ещё до школы, заплетать косички и вышивать гладью, готовить и поддерживать дом в чистоте. И улыбаться, ни смотря ни на что, её тоже бабушка Наурыз научила. Вот только музыке она, один из лучших концертмейстеров Баку, внучку учить не стала. Сразу поняла, что большого музыкального таланта у Нюрки нет, а раз так, и незачем ребёнка мучить. Да и хватало ей музыки и нерадивых учеников на работе.

– Ты моя помощница, – часто повторяла она Нюрке. – Я зарабатываю денежки, а ты присматриваешь за мамой, договорились?

И Нюрка присматривала, лет с пяти зная, что она – большая, а мама – маленькая. Разогревала еду, приставляя к плите скамеечку, чтобы дотянуться и зажечь газ, читала маме сказки, играла с мамой в куклы. Потом Нюрка пошла в школу, и мама играла уже одна. А Нюрка стала догадываться, что их семья не совсем обычная. Её никто никогда не забирал после уроков, домой она шагала одна. Ей нельзя было остаться на школьном дворе побегать с подружками, потому что дома ждала голодная мама. Да и подружек-то не было. Как-то так получалось, что Нюрка всегда сама по себе.

Когда Нюрка училась в пятом классе, бабушка ушла на пенсию. Пришлось уйти – после инсульта перестала слушаться левая рука. Наурыз-ханум быстро поднялась на ноги, то ли инсульт был не слишком сильным, то ли воля человека возобладала над болезнью. Но играть на пианино бабушка уже не могла. Их и без того шаткое материальное положение стало ещё хуже, теперь они жили на две пенсии, бабушкину по старости и мамину по инвалидности. Наурыз одной рукой перешивала для Нюрки свои концертные платья, превращая их во вполне приличные школьные наряды. На выпускной бал после девятого класса Нюрка тоже пошла в таком перешитом платье, хотя к тому времени уже предпочитала брюки и майки. Поступать решила на повара. Готовить ей нравилось, и потом, стоя у котла, никогда голодной не останешься, и ещё домой принесёшь. И над книжками сидеть не надо. Очень Нюрке не нравилось над книжками сидеть.

Но проучилась она только один год, и то не полный – умерла бабушка Наурыз. Кое-как они с мамой дотянули до лета, но, просидев неделю на пачке макарон, Нюрка поняла, что дальше так продолжаться не может. Когда ещё начнётся настоящая практика, на настоящих кухнях с продуктовыми запасами! А есть хочется каждый день. И лекарства для мамы стоят больше, чем её пенсия, а ещё счета, за свет, за воду, за отопление. Так Нюрка попала в гостиницу, сначала затрапезную, на окраине города. Чтобы мыть там полы, диплома не требовалось. А уж убираться она умела на совесть! Потом хозяин разорился, гостиницу закрыл, но толковую девушку, успевавшую за смену вылизать все пятнадцать номеров, не забыл. Порекомендовал кому-то из приятелей по гостиничному бизнесу, и Нюрка оказалась в элите «пятизвёздочных» уборщиц, каждый день надевающих новые колготки. Заработок тоже стал побольше, теперь хватало и на еду, и на лекарства, и на оплату счетов. На всё, кроме себя. Но Нюрка помнила слова бабушки Наурыз: «И улыбайся! Всегда улыбайся! Кислой миной делу не поможешь!».

Мама доела суп, вытерла дно миски кусочком хлеба, с шумом отхлебнула сладкий чай. На дочку не смотрела, всё её внимание было приковано к телевизору, где прыгал по экрану Дональд Дак. Нюрка наизусть знала телепрограмму: за ужином мультики, потом сериал про «папиных дочек», а перед сном какая-нибудь мелодрама по Первому. Русских каналов три, особо выбирать не приходится, но маме хватает. В десять часов она ляжет спать, и начнётся Нюркино время. А пока надо отстирать куртку, да и коврики из прихожей не мешало бы на балконе вытрясти.

Пока Нюрка занималась привычными домашними делами, время пролетело незаметно. Но стоило маме погасить свет, пожелав ей спокойной ночи, Нюрка не теряя ни минуты скользнула за компьютер. Он был старенький и дешёвый, маме подарили от Центра социальной защиты. Она даже курсы какие-то посещала, где их учили работать с разными программами, выходить в Интернет. Но маму это всё не очень интересовало, и компьютером чаще пользовалась Нюрка. Интернет был дорогой, но если сидеть в нём по часу в день, то выходит нормально. А больше ей и не надо, вставать-то рано. Но этот час полностью её.

Первым делом вставить штекер наушников. Развернуть экран так, чтобы маме, даже если она вдруг проснётся, не было видно, что там показывают. Соединиться со Всемирной сетью. Долго слушать шипение и гудение модема. Быстро вбить заветный адрес, всего один, полностью совпадающий с самым дорогим именем. В эти минуты Нюрка чувствовала себя космонавтом, выходящим на связь с Большой Землёй откуда-нибудь с орбитальной станции. Только орбитальной станцией была их квартира на окраине Баку. А Большой Землёй – Москва. Город-сказка в совсем другой стране, где жил Всеволод Алексеевич. Интернет словно соединял их невидимой нитью, и Нюрка листала страницы его сайта. В первую очередь проверяла страницу новостей. Куда он поехал на гастроли? Какому городу опять повезло? Баку в этом списке она увидеть и не надеялась, в прошлом году, когда произошла их встреча, он тут уже был. На форуме писали, что в один и тот же город Туманов хорошо, если раз в пять лет приезжает. Увы, он уже не ведёт такую бурную гастрольную деятельность, как в молодости.

Форум Нюрка тоже просматривала, но не очень внимательно. Там общались поклонники артиста, но его самого ведь там не было. Зато в сотый раз открывала раздел фотоальбома, параллельно включая аудиозаписи. Видеоклипы их слабенький Интернет никак не хотел загружать, но если смотреть на фотографию Туманова и одновременно слушать его голос в наушниках, то можно представить, что он здесь, в этой комнате, поёт лично для неё. Это ещё круче, чем видео!

Конечно, и фотографии, и аудиозаписи можно было бы скачать на жёсткий диск, и не тратить дорогие мегабайты каждый вечер. Но Нюрка никогда этого не делала. Более того, перед тем, как лечь спать, всегда стирала историю браузера. Мама нет-нет, да и могла сесть за компьютер, она иногда играла в простенькие игрушки, которые Нюрка для неё установила. Мало ли, куда она залезет! Туманов был большой Нюркиной тайной, про которую никто не должен знать. Зачем? Он только её.

И всё-таки она надеялась, что когда-нибудь Всеволод Алексеевич в Баку приедет. Должен приехать. Через два года, через три, через пять лет, но он обязательно приедет. И уж этот день Нюрка не пропустит. Он станет самым счастливым в её жизни.

Она много раз представляла его во всех деталях, особенно часто по утрам, когда ехала на работу в тряском автобусе, переполненном такими же работягами с унылыми или заспанными лицами. Если везло, Нюрка занимала место в самом последнем ряду, забивалась в угол и там, никем не тревожимая, предавалась мечтам. Если не везло, просто цеплялась покрепче за гладкий, отполированный тысячами ладоней, поручень, и отключалась от реальности до нужной остановки.

Сначала по городу развешат афиши с его огромными портретами. Она видела такие в Интернете, на них Туманов совсем на себя не похож, но Нюрка наверняка не удержится и отдерёт одну на память. Спрячет дома, в верхний, запирающийся на ключ ящик стола. Там уже лежат несколько вырезанных из газет фотографий.

Нюрка представляла, как пойдёт покупать билет на концерт. Да что там пойдёт, побегит, чтобы оказаться одной из первых, чтобы выбрать самое-самое лучшее место. Какое место самое лучшее? Ряд у сцены, разумеется, кресло по центру. Чтобы смотреть ему прямо

в глаза, голубые, почти синие, отражающие огни рампы. Интересно, он её узнает? Вряд ли, ведь на концерт она пойдёт не в форме горничной, а в красивом платье.

Платье она тоже купит заранее, и станет носить только по особым случаям. Потому что это будет особое, «его» платье. Причёску сделает в парикмахерской, которая располагается на первом этаже их гостиницы. Там работает Фатима-ханум, она такую укладку умеет делать! К ней за месяц записываются! И маникюр, обязательно. Её руки должны быть безупречными, вдруг Всеволод Алексеевич захочет их поцеловать, когда она преподнесёт ему цветы? Он так делал на московских концертах, она видела по телевизору.

Цветы. Цветы она закажет в салоне Узеира. Самый лучший цветочный салон Баку, там собирают эксклюзивные букеты. Дорогому мужчине дорогие цветы. Чтобы запомнил. После какой песни выйти на сцену? После «Моя последняя любовь»? Или слишком прямолинейно? Лучше после «Прилечу к тебе». Он же прилетит. И можно даже представить, что к ней. Он вытянет последнюю ноту, поклонится публике, и тут она, с букетом. «Помните меня, Всеволод Алексеевич?». И он дар речи потеряет, увидев её такую, красавицу в платье и с причёской. Потом вспомнит и удивится ещё больше. Может быть, пригласит...

Тут Нюркины мысли обычно обрывались, потому что куда именно должен пригласить её Туманов, она не знала даже в мечтах. В ресторан? Нюрка никогда не бывала в ресторанах, и не понимала, как там себя вести. Прогуляться по набережной? Невозможно, его сразу узнают прохожие, обступят, начнут фотографировать. Он давно не ходит по людным местам. Других вариантов фантазия не подкидывала, да к тому моменту Нюрка обычно доезжала до своей остановки. Приходилось возвращаться из мечты в реальность, где ждали неубранные номера и переполненные мусорные корзинки.

Конечно, она понимала, что на всё задуманное нужны деньги, много денег. И заранее готовилась ко дню будущего триумфа. Все сэкономленные «колготочные», а также чаевые, оставленные постояльцами в номерах, она складывала в тот самый запирающийся ящик стола. Складывала методично, никогда не беря назад ни гэпика. Сколько там накопилось? Сто манат или уже сто пятьдесят? Надо бы пересчитать. Всё равно мало. Должно ведь и на платье хватить, и на причёску, и на букет. А, ещё такси! Она же не может в платье и с причёской ехать на автобусе до концертного зала! Нет, только такси, фиолетовый кэб с высоким потолком, какие ездят только по улицам Лондона и Баку. Водитель выйдет из машины и распахнёт перед ней дверцу. Подаст руку, помогая залезть. И пусть соседи глазеют с балконов, особенно тётя Наташа, любившая повторять, что ничего путного из Нюрки не выйдет. Да, такси входило в обязательную программу волшебного дня.

Если всё подсчитать, то выходит, что сто манат, ну пусть и сто пятьдесят явно мало. Но и времени у неё в запасе куча! Она только год как начала откладывать, даже меньше, — не сразу догадалась.

Иногда, конечно, возникали соблазны потратить деньги на что-нибудь, никак к Туманову не относящееся. Например, купить себе новый телефон, современный, с хорошей камерой и выходом в Интернет, как у Гюнель. Или велосипед! С наступлением весны в Баку пришла какая-то эпидемия велосипедов! Катались парни, катались девчонки, и русские, и даже азербайджанки. Нюрка смотрела, как они проносятся по улицам, только ветер свистит вслед, весёлые, счастливые, и думала, что велосипед — это как раз по ней. Она тоже не против носиться, возможно, она даже занялась бы экстремальным катанием по всяким там лестницам и бордюрам, освоила бы какие-нибудь трюки, вроде езды без рук или на заднем колесе. Но потом Нюрка вспоминала про волшебный день, и мысли о велосипеде отвергались как глупые и ненужные. Подумаешь, велосипед! Что она, маленькая? Велосипеды вон у всех. А Мечта есть только у неё. И волшебный день тоже.

После пожара гостиница не работала три дня, но выходных им больше начальство не устраивало. Наоборот, спохватилось, и объявило сверхурочную повинность. Твоя смена,

не твоя, будь добр, выйди. Из-за случившегося в гостиницу нагрянули всевозможные проверочные комиссии, от пожарной до санитарной, и Нюрка вместе с Эльвирой и Гюнель с утра до вечера драили номера и коридоры, отодвигали шкафы и вытирали пыль за батареями, чего не делали раньше никогда, лишь бы ублажить проверяющих. На первом этаже шёл срочный ремонт пострадавшей комнаты, и за строителями тоже приходилось вывозить тонну грязи.

Задерживались допоздна, и Нюрке пришлось купить маме побольше булочек и упаковок молока, чтобы не голодала до её прихода. Мама ворчала, говорила, что Нюрка её бросает. Нюрка объясняла про работу, как могла. А втайне радовалась. Её воля, она бы и ночевала на работе. Запиралась бы в подсобке и мечтала, сколько влезет. Не надо было бы никого кормить, ничего готовить, не надо было бы радостно улыбаться и хвалить маму за вылепленных из пластилина человечков. Одно плохо, из-за внеплановой работы Нюрке приходилось пропускать час в Интернете. На него просто не оставалось сил, едва справившись с домашними обязанностями, она валилась в постель. Но и без компьютера она легко могла пообщаться с Всеволодом Алексеевичем прежде, чем заснуть. Стоило прикрыть глаза, и нужный мыслеобраз появлялся сам. Чаще всего в концертном костюме, а иногда в мятой фланелевой рубашке, явно домашней. Где она его в такой видела, на какой фотографии? А может, просто придумала? Он всегда улыбался и говорил что-нибудь хорошее. О том, что скоро приедет. О том, что надо верить в свои желания, тогда они обязательно сбудутся. А иногда молча подходил к ней сзади с большим деревянным гребнем в руках, обнимал за плечи и начинал расплетать её косы. И потом долго расчёсывал Нюркины волосы, пропуская пряди между пальцев. Такие моменты она любила больше всего.

– Нурай! – в коридоре, который Нюрка как раз заканчивала пылесосить, появился дядя Азад. – По всей гостинице тебя ищу! Спустись на ресепшн, там тебя к телефону!

– Меня? К телефону?

Никто и никогда не звонил ей в гостиницу. Ещё не хватало! Да и кто мог ей звонить? Кто вообще знает, что она здесь работает, кроме мамы? Нюрка полетела на первый этаж, на ходу представляя, как будет злиться на неё Захра. Неслыханная наглость, чтобы горничной звонили на ресепшн гостиницы!

Но Захра передала ей трубку со странным выражением лица.

– Слушаю!

На том конце тараторили по-азербайджански. Нюрка, хоть и закончила русскую школу, знала два языка. Говорила на азербайджанском, правда, медленно, подбирая слова. Но сейчас она молчала даже не поэтому. А потому, что просто не знала, что сказать.

– Я приеду, как только смогу, – пробормотала она наконец.

– Приезжай немедленно! – закричали на том конце. – Я в суд подам на вашу семью! Я вас на улицу выселю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.